

Аспект дьявола

Автор:

[Крейг Расселл](#)

Аспект дьявола

Крейг Расселл

1935 год. Воздух уже отравлен ожиданием предстоящей войны. Но в окрестностях Праги, в средневековом замке, дремлет не меньшее зло. В нем заключена «шестерка дьявола» – убийцы, прославившиеся своей жестокостью. Молодой психиатр, ученик легендарного К. Юнга, Виктор Косарек приезжает в лечебницу в надежде раскрыть природу зла и обнаружить у этих пациентов – аспект дьявола. Тем временем Прагу потрясает череда жестоких убийств, совершенных маньяком известным как Кожаный фартук. Виктор пытается связать эти убийства и темные секреты своих пациентов. Но, возможно, тут замешан сам дьявол...

Крейг Расселл

Аспект дьявола

© Craig Russell, 2019

© Наталья Феликсон, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

* * *

«Самый запоминающийся триллер года. И при этом совершенно уникальный. Задумка оригинальная, а атмосфера выше всяких похвал»

Booklist

«Глубокий, мрачный и непредсказуемый, Аспект Дьявола вы будете читать всю ночь... при включенном свете. Рассел создал захватывающий шедевр!»

Алекс Грекиэн, автор бестселлеров NYT

«Вдохновленный пугающим фольклором Восточной Европы и вторящий ужасу грядущей варварской войны, этот роман захватывает читателя и уносит в крутое путешествие по самым темным коридорам человеческого разума».

Daniel H. Wilson, автор бестселлеров NYT

«Опытный писатель, Рассел знает как держать читателя в напряжении, мы другого и не ждали. Но эта концовка! Умное, атмосферное, и при этом развлекательное чтение. Но не для юных, и легко пугающихся.»

Kirkus

Предисловие редактора

Жанр романа Рассела Крейга «Аспект дьявола» определить сложно.

Детектив? Да. Капитан полиции Лукаш Смолак расследует серийные убийства.

Хоррор? Еще какой. Одиноких женщин не просто убивают, а убивают с особой жестокостью, как это некогда делал знаменитый Джек Потрошитель. Но если Джек Потрошитель был реальным человеком (хотя его, кажется, так и не поймали, а на виселицу вместо него отправили другого), то здесь, по словам единственного свидетеля, которого не без причин тут же записывают в подозреваемые, орудует сам дьявол, причем со всеми присущими ему атрибутами (рога на месте).

Психологический триллер? Может быть, – но с существенной поправкой на место действия: основные события романа развиваются в клинике для душевнобольных, которая расположена в мрачном средневековом замке, построенном, если верить легендам, над входом в ад. В клинике всего шесть пациентов («дьявольская шестерка») – патологические садисты, чей нездоровый ум породил самые изощренные способы пыток над людьми (снова начинается хоррор).

В клинику приезжает молодой психиатр Виктор Косарек, который придерживается теории, что в каждом человеке – в глубинах его бессознательного – скрывается дьявол, способный управлять нашими поступками. Чтобы доказать свою теорию, Косарек проводит психоаналитические сеансы с пациентами, пытаясь вытащить «дьявола», а если точнее – понять, что заставило этих людей стать монстрами. Это и есть основной интерес автора – разобраться вместе с читателями, как рождается безумие. Он подкидывает вопросы, на которые мы будем отвечать вместе с ним: какие химеры живут в нашем подсознании, правда ли, что существует вирус безумия, может ли безумие охватить всю нацию (а такие примеры действительно есть). И, наконец, главный вопрос (даже не вопрос, а скорее утверждение): не стоит ли рассматривать безумие как вариант выбора, изначально, со времен Адама и Евы, запрограммированный в человеческой психике? Или ты становишься демоном, или ангельское берет верх.

Все гораздо глубже и страшнее, чем в старом фильме Уильяма Фридкина «Изгоняющий дьявола» («Экзорцист»), там – вымысел, здесь – реальность. А вывод очень простой: на все есть своя первопричина. Зло порождает зло. Даже микроскопические крупы зла, однажды посеянные в нас, непременно дадут всходы. Демон внутри не дремлет!

Сердце человека – это место, где скрывается дьявол.

Я иногда чувствую его внутри себя.

Томас Браун

(1605–1682)

Пролог

Звук его голоса напоминал жуткое черное солнце, что наполняло башни замка темным сиянием и проникало глубоко в толщу древних каменных стен. Несмотря на то, что пациент был надежно пристегнут к смотровой кушетке, Виктор почему-то чувствовал себя уязвимым. Ему было страшно. То, что он слышал, не имело смысла. Этого просто не могло быть.

Виктор вдруг понял, что звуки издавал вовсе не этот несчастный безумец. Нет, это был кто-то еще. Кто-то другой. Кто-то гораздо хуже.

– Я чувствую ваш страх, – кивнул мистер Хоббс. – Я улавливаю человеческие страхи. Это энергия, которая меня питает, и вы сейчас питаете меня. Вы искали меня – и нашли. Вы хотите знать, что я думаю, что чувствую. Хорошо, позвольте вам сказать кое-что: когда я убивал их... когда я убивал всех этих людей, превращая последние минуты их жизни в кошмар, – я наслаждался каждой секундой. Я делал это для удовольствия, сам процесс доставлял мне удовольствие. Я пил их боль, пил их страх, как прекрасное вино. Особенно мне нравился финальный момент, когда они умоляли о пощаде. Каждый, каждый из них, отчаявшись, начинал молить о пощаде. Я притворялся, что готов пощадить их, и в глазах обреченных мерцали искры надежды. На мгновение я давал им эту надежду, а затем отнимал. Когда в их глазах гасли последние искры этой глупой надежды, я испытывал величайшее блаженство, даже большее, чем в момент, когда жизнь покидала их. Понимаете, доктор Косарек, именно в этот момент они ощущали присутствие дьявола и просили Бога о помощи, о защите. И именно в этот момент я заставлял их осознать, что дьявол – это и есть Бог в своем темном обличье...

Часть первая

Обитель сатаны

1

Стояла поздняя осень 1935 года. доктор Виктор Косарек был стройным, высоким двадцатидевятилетним мужчиной. Он был привлекателен, но не более того: обычный среднестатистический уроженец Богемии, не лучше и не хуже других. Впрочем, многие считали его настоящим красавцем. Он немного переживал, что у него слишком длинный нос, но все остальное вполне приемлемо – высокие скулы, тяжелый сине-зеленый взгляд из-под темных бровей и черные, цвета воронова крыла, волосы. Но Виктор Косарек старался выглядеть старше своих лет, чтобы казаться авторитетнее на работе. Ему по долгу службы – а он был психиатром – приходилось знать все о темных тайнах его пациентов, которые не очень-то были готовы делиться этими страшными тайнами с мальчишкой.

Ночью шел дождь. Он ясно давал понять, что за время года на дворе. Так как Виктор навсегда покидал арендованную квартиру, багажа у него было много – внушительных размеров сундук и два тяжелых чемодана, и от улицы Губернска до станции Мазарик, откуда он должен был уехать на пригородном поезде на центральный вокзал Праги, пришлось добираться на такси. На станцию он прибыл за сорок пять минут до отправления поезда, что было совсем неплохо, поскольку таксист выгрузил багаж из машины у входа в здание станции и укатил, а оплачивать услуги носильщика Виктору совсем не хотелось.

Виктор Косарек лелеял надежду, что его приятель Филип Староста поможет ему с багажом, но в последнюю минуту выяснилось, что тот не приехал. И как назло – ни одного свободного носильщика. Виктор готов был расплакаться, ну или застрелиться от отчаяния, ведь ждать помощи было неоткуда. Но тут ему удалось поймать юного железнодорожного служащего в слишком большом для него форменном красном кепи. На вид парнишке было не больше восемнадцати, однако он, несмотря на свое хрупкое телосложение, с небывалой легкостью погрузил сундук и чемоданы на багажную тележку.

Едва они вошли в здание станции, как полицейская «прага-альфа» притормозила ровно на том же месте, откуда только отъехало такси Виктора. Из

машины выскочили два офицера и рысью промчались мимо них.

- Что происходит? - спросил Виктор парнишку.

Тот пожал плечами, еле заметными в просторной униформе, и сказал:

- Там, в зале, вроде кричал кто-то, но вы меня позвали, и я не успел посмотреть.

Они вошли в здание, и Виктор понял, что происходит нечто ужасное. В дальнем углу толпились пассажиры. Там же были полицейские.

Раздался крик - кричал какой-то мужчина. Вслед за ним - душераздирающий женский вопль.

- Демон! - вопил мужчина. - Она демон, посланный дьяволом! - Последовала пауза, затем мужчина затараторил, словно хотел предупредить собравшихся: - Он сейчас здесь, сатана здесь! Сатана среди нас!

Оставив носильщика, Виктор быстро пересек зал и вклинился в толпу. Краем уха он услышал, как какая-то женщина с жаром прошептала своему спутнику:

- Вы думаете, это действительно он? Вы думаете, это и есть Кожаный Фартук?

Теперь Виктор мог видеть тех, кто кричал: мужчину и женщину. Оба выглядели испуганными. Женщине было страшно, потому что мужчина, обхватив ее сзади, приставил к горлу большой кухонный нож. Мужчине было страшно по только ему самому известным причинам.

- Она демон! - снова завопил мужчина. - Демон, явившийся из ада! Смотрите, она горит!

Виктор обратил внимание, что женщина была очень хорошо, со вкусом одета, в отличие от напавшего на нее сумасшедшего. Тот выглядел как рабочий.

Видавшая виды кепка, куртка из грубой шерсти, безрукавка и мешковатые вельветовые брюки. Конечно же они не были знакомы, а значит, жертва была схвачена наугад. По шальному, несфокусированному взгляду широко раскрытых глаз мужчины Виктор определил приступ шизофренического расстройства.

Полицейские ничего не предпринимали. Один из них, стоявший ближе всех к мужчине и его жертве, держал руку на кобуре. «Хоть бы он не вынул пистолет, – подумал Виктор. – Нельзя усугублять страх этого безумца». Его толкнули зеваки из напиральной толпы, он шагнул вперед, но тут же был грубо остановлен дюжим полицейским.

– А ну назад! – скомандовал чернявый парень с заметным словацким акцентом. – Куда прешь?

– Я доктор Виктор Косарек из приюта Бохнице – пробормотал Виктор. – Я психиатр. Думаю, я могу помочь.

– О-о-о... – словак кивнул напарнику, и он отпустил Виктора. – Это один из ваших? В бегах?

– Нет, не думаю. Но откуда бы он ни был, у него явно приступ. Параноидальный психоз.

Словак обратился к офицеру, одному из тех, кто только что подъехал:

– Здесь есть врач-мозгоправ...

– Пусть подойдет... – ответил офицер, не сводя глаз с мужчины и женщины.

– Мне нужно, чтобы вы разогнали толпу, – тихо сказал Виктор. – Толпа провоцирует его. Чем больше он ощущает, что ему угрожает опасность, тем большая опасность угрожает юной леди.

Офицер кивнул, сделал знак, и тут же его подчиненные стали оттеснять зевак.

– Ты правда мозгоправ? – спросил офицер.

– Я доктор Виктор Косарек. Был стажером в Бохнице. А сейчас направляюсь в Орлиный замок... Ну, вы, наверное, знаете, там больница для преступников. Я еду туда работать. Вот почему я здесь, на станции.

– Спасибо за подробную информацию, доктор, но у нас здесь немного срочное дело, – в тоне офицера сквозил сарказм. – Подожди-ка минутку, Орлиный замок? А не там ли держат «дьявольскую шестерку»? Тогда ты прибыл точно по адресу. Поможешь, парень?

– Я сделаю все возможное, но не знаю, в моих ли силах достучаться до него.

– Если не достучишься ты, боюсь, это придется сделать нам. – Офицер выразительно постучал пальцем по кобуре.

Косарек кивнул и подошел ближе к сумасшедшему и его пленнице.

– Постарайтесь не бояться, – сказал он тихо и спокойно, обращаясь к женщине. – Знаю, это очень сложно, но, что бы ни происходило, не пытайтесь вырваться и не кричите. Нельзя допустить, чтобы он еще сильнее возбудился эмоционально. Постарайтесь быть храброй. Вы меня поняли?

Она кивнула. Ее глаза были широко распахнуты от ужаса.

– Очень хорошо, – сказал Виктор. Он отметил, что лезвие ножа было чуть выше яремной вены. Малейшее движение, и все – этого будет достаточно, чтобы безумец перерезал ей горло. Если он решится на это, женщину нельзя будет спасти.

Мужчина был еще молод, возможно, на пару лет моложе Косарека. Виктору бросалось в глаза, что он не замечает полиции и толпу зевак. Скорее всего, он был во власти кошмаров. За свою короткую карьеру Косарек уже не раз видел такое: душа больного пребывает в другом, никому не ведомом измерении.

– Меня зовут доктор Косарек, – голос Виктора оставался тихим и спокойным. – Я здесь, чтобы помочь вам. Знаю, вам очень страшно, но я сделаю все, чтобы помочь вам. Как вас зовут?

– Она демон! – крикнул в ответ мужчина.

– Как ваше имя? – повторил Виктор.

– Огненный демон... Разве вы не видите? Демоны вокруг нас. Они готовы пожрать нас. Ее отправили сюда, чтобы пожрать меня. Она посланница дьявола...

Молодой человек вдруг замолк. Вид у него был такой, словно он услышал странный звук или почувствовал запах.

– Он здесь... – прошептал он торопливо. – Дьявол здесь, в этом самом месте. Я чувствую его присутствие...

– Ваше имя, – все так же тихо и любезно продолжал Косарек. – Пожалуйста, назовите свое имя.

Человек с ножом выглядел смущенным, будто не мог понять, зачем его отвлекают по таким мелочам.

– Симон, – промолвил он наконец. – Меня зовут Симон.

– Симон, мне нужно, чтобы вы успокоились. Попробуйте успокоиться.

– Успокоиться? – недоверчиво переспросил мужчина. – Вы просите меня успокоиться?.. Дьявол здесь. Его слуги среди нас. Она – демон. Разве вы никого не видите?

– Нет, боюсь, что нет. Где они?

Симон как прожектором проскользил взглядом по мраморному полу.

– Не видите? Вы что, слепой? Да они же повсюду. – Его состояние ухудшилось: возбуждение заставило покраснеть щеки, голос стал хриплым: – Они... они просачиваются сквозь пол, посмотрите... Они как лава выходят из недр Земли и обретают форму. Как этот... – Мужчина кивнул на пленницу, рука с ножом подрагивала.

– Симон, – обратился к нему Виктор. – Это не так. Эта женщина – просто женщина. Она никакой не демон.

– Да вы что, с ума сошли? Разве вы не видите эти кривые огненные рога, растущие из головы? А лаву, бурлящую в глазах? Взгляните, как раскалились железные копыта. Никакая это не женщина, это – демон, огненный демон. Мне горячо, когда я касаюсь его. Мой долг остановить его. Я должен остановить их всех. Если я этого не сделаю, они утащат нас в огненное озеро, где не будет конца нашим мучениям. – Он на мгновение задумался над собственными словами, а затем произнес спокойно и решительно: – Я должен сделать это. Я отрублю голову этому демону в обличье женщины. Отрубить голову – единственный способ убить его. Единственный способ, да.

Женщина, из последних сил сохранявшая самообладание, не выдержала и отчаянно закричала. Виктор Косарек жестами попытался успокоить обоих. Теперь уже не было сомнений, что налицо глубокий параноидальный бред, и никакого способа достучаться до разума Симона нет. Этот парень убьет жертву, и только после этого у него наступит спад.

Косарек многозначительно посмотрел на полицейского. Тот легонько кивнул и расстегнул кожаную кобуру.

– Уверяю вас, Симон, эта женщина не демон, – повторил Виктор. – Вам нехорошо. Вы плохо себя чувствуете, поэтому то, что вы видите, – обман. Закройте глаза и вздохните поглубже.

– Дьявол – великий обманщик, – услышал он в ответ. – Но меня не обманешь. Я – десница Божья. Если я закрою глаза, дьявол схватит меня и утащит в ад. – Мужчина заговорил тише, в его голосе послышалась боль. – Я видел великого обманщика. Я смотрел в лицо дьяволу. Он пытался сжечь меня своим взглядом! – закричал он в отчаянии.

– Симон, пожалуйста, послушайте меня. Пожалуйста, попробуйте понять. Дьявола здесь нет. Все, что вы видите, иллюзорно, это картинки вашего подсознания. Наше подсознание – глубокий океан, и оно зло шутит над нами. Вы меня понимаете, Симон?

Мужчина кивнул, но его глаза все еще светились ужасом.

– В каждом из нас, – продолжал Виктор, – бурлят темные волны. В этих глубинах живут жуткие монстры – наши страхи, наши запретные желания. Иногда они

кажутся нам реальностью. Я знаю это, потому что я врач. Вот что сейчас с вами происходит, Симон: в вашем внутреннем океане разыгрался шторм; вздымаются волны, готовые увлечь вас в бездну. Темные монстры, таящиеся в глубинах вашего разума, проснулись и вырвались на поверхность. Пожалуйста, подумайте об этом. Я хочу, чтобы вы поняли: все, что пугает вас в этот момент, все, что вы видите, создается вашим подсознанием.

- Так это все обман? - спросил Симон голосом потерявшегося ребенка.

- Это обман, - кивнул Виктор. - Леди, которую вы схватили, - обычная женщина. Вам кажется, что вы схватили демона, но это лишь демон вашего воображения. Дьявол, которого вы боитесь, - это потаенная сторона вашего сознания. Пожалуйста, Симон, закройте глаза...

- Это все обман...

- Закройте глаза, Симон. Закройте и представьте, что шторм проходит, водная гладь успокаивается.

- Обман... - Мужчина закрыл глаза.

- Отпусти леди, Симон, пожалуйста.

- Обман... - Он опустил руку, сжимавшую плечо женщины, убрал нож от ее горла.

- Скорее! - тихо скомандовал полицейский пленнице. - Скорее ко мне!

- Обман...

Женщина, всхлипнув, бросилась к полицейскому, тот взял ее под локоть и отвел в сторону.

- Теперь, Симон, пожалуйста, - продолжал Виктор Косарек, обращаясь к мужчине, который все еще стоял с закрытыми глазами, - отдайте мне нож.

Симон открыл глаза, посмотрел на нож и повторил:

– Обман...

Затем он поднял голову, взгляд его стал жалобным, он умоляюще протянул руки к Виктору, но нож не выпустил.

– Все в порядке, – сказал Виктор, делая шаг навстречу. – Я помогу вам.

– Все обман! – внезапно рассердившись, крикнул Симон. – Великий обманщик снова обманул меня! – Он посмотрел в упор на Виктора и усмехнулся: – А я тебя не узнал. Как я мог тебя не узнать? Но я догадался, кто ты на самом деле. – Взгляд мужчины стал тяжелым и полным ненависти. – Теперь я знаю! Теперь я знаю, кто ты!

Все случилось слишком быстро. Симон бросился к Виктору, занося нож для удара. Виктор застыл. И в то же мгновение по залу ожидания эхом раскатились два звука: оглушительный грохот выстрела и крик Симона, падающего на молодого доктора:

– Дьявол!

2

Виктор Косарек пришел к выводу, что бюрократия въелась в плоть и кровь богемцев. В любой жизненной ситуации, что бы ни случилось, требовалось заполнить какую-нибудь форму или отчитаться перед должностным лицом.

Виктор позвонил своему новому работодателю из телефонной будки в полицейском участке на улице Бенедикта. Он рассказал профессору Романеку, что произошло на железнодорожной станции, и о том, что полицейские попросили его написать отчет, а затем еще один, из-за чего он пропустил свой поезд. Молодой доктор объяснил, что его багаж находится в камере хранения и что он постарается прибыть первым же утренним поездом. Потом он добавил, что, конечно же, искренне сожалеет о том, что пришлось задержаться.

– Мой дорогой друг, – ответил профессор Романек, – не стоит волноваться. Вы же спасли жизнь юной леди. Но что же случилось с несчастным героем этой

трагедии?

– Спасибо за понимание... – Косарек сделал паузу, пережидая, пока мимо пройдут сурового вида стражи порядка. – Он в тяжелом состоянии, – продолжил он, как только полицейские удалились. – К сожалению, пока неясно, выживет он или нет. Пуля прошла через мускулатуру плеча, отклонилась от лопаточной кости и угодила в брюшную полость. Можно сказать, этому парню повезло – жизненно важные органы не задеты, но он потерял много крови. Время покажет. Я договорился, чтобы его поместили в приют Бохнице, как только он в достаточной мере поправится... если выживет, конечно.

– Это все очень печально. Но, надеюсь, это событие не омрачит ваши первые рабочие дни у нас.

– Вовсе нет, профессор. Я искренне рад, что буду работать с вами.

Профессор Ондрей Романек прославился своими новаторскими, зачастую спорными методиками, и Виктор Косарек действительно хотел у него работать.

– Сожалею, но не смогу встретить вас на вокзале, – бодрый голос Романека внезапно стал менее веселым. – Вас встретит господин Ганс Платнер. Вы с ним познакомились во время собеседования. Он отвечает у нас за отделение общей медицины. Ганс – прекрасный врач и хороший человек, но когда отстаивает свою точку зрения, бывает резким. Пожалуйста, не обращайтесь на это внимания. Я очень рассчитываю на нашу скорую встречу.

– Как и я, профессор.

Повесив трубку, Виктор Косарек осознал, что деваться ему некуда. Он съехал с квартиры, полагая, что без приключений доберется до новой работы. И что теперь?

Он не мог решить, следует ли ему звонить Филипу Старосте, приятелю и бывшему сокурснику по университету, чтобы попросить разрешения переночевать у него. Филип его подвел. И дело не только в багаже: Виктор хотел провести с ним последний вечер в Праге, но в последний момент друг отбил ему телеграмму, в которой сообщил, что не сможет увидеться с ним. Все это беспокоило Виктора. Мощный интеллект Филипа был столь же силен, как и

страсти, кипевшие в нем. Его все более противоречивое поведение в последнее время наводило на вопросы, но Виктор отмахивался от них. «Самое лучшее, – подумал он, – попытаться найти отель рядом со станцией».

У будки стоял тщедушный, похожий на птицу старик и терпеливо ждал своей очереди позвонить. Виктор вышел, намереваясь у кого-нибудь спросить, где находится ближайшая гостиница. Вдруг захлопали двери, коридор заполнился людьми. В воздухе разлилась тревога. В глаза бросился видный мужчина: высокий и широкоплечий. Кто-то из полицейских обратился к нему: «Капитан Смолак». Виктор услышал, как на улице пронзительно взвизгнули шины на влажном булыжнике.

У выхода стоял пожилой грузный полицейский. У него были крупные челюсти, густая щетина и роскошные усы; мясистые, как у бульдога, щеки покоились на жестком стоячем воротнике. Удерживая фуражку под мышкой, он читал объявления на доске.

– Что происходит? – спросил его Косарек.

– Полицейские дела, – глухо сказал бульдог, не пускаясь в разъяснения.

К Виктору подошел старик, уже позвонивший кому-то.

– Я слышал... – сказал он заговорщицким шепотом, с жаром, с которым обычно приносят плохие новости. – Я слышал, что они говорили... Они нашли тело. Еще одно тело.

– Убийство? – спросил Косарек.

Старик мрачно кивнул.

– Тело женщины, все искромсанное. Кожаный Фартук снова в деле.

3

Его отец был мясником.

Возможно, именно поэтому первое, что пришло на ум Лукаша Смолака, как только он увидел место преступления, что это мясная лавка.

В такую минуту, и вспомнить отца... Впрочем, ничего странного. В детстве, когда страхи, боль и одиночество переполняли его, именно отец оказывался рядом, но не мать, которая отдалялась от него все больше. Чувства и эмоции, охватившие его в этот момент, не сильно отличались от тех, детских.

Лукаш Смолак унаследовал от отца крупную, мускулистую фигуру, добрый нрав и настолько глубокое спокойствие, что, казалось, упади небо, он бы не вздрогнул. В детстве он никогда не видел отца хмурым, ни единого злого слова не слышал. Однако был один случай, который потряс его. Даже не верилось, что это произошло на самом деле.

Лукашу тогда было лет девять или десять, после школы он отправился в лавку к отцу – мать попросила принести килограмм остревских колбасок к ужину. Лавка располагалась возле церкви, прямо посреди их деревни, в низком, побеленном здании. Лукаш вошел, но не застал отца на привычном месте за прилавком. Вдруг со двора позади лавки раздались странные громкие звуки. Он позвал отца, но тот не ответил. Лукаш тихонько прошел за прилавок и открыл дверь подсобки. В полумраке висели мясные туши. Отца здесь не было, и Лукаш отважился пойти дальше. Звуки между тем превратились в истошный, пронзительный визг.

Приоткрыв дверь во двор, Лукаш сощурился – солнце било в глаза. Отец стоял спиной к нему, удерживая коленями поросенка, – он-то и визжал так истошно. И тут тяжелый молоток опустился на голову животного. Визг смолк. Отец отбросил молоток, вынул из кармана фартука длинный нож и быстро, одним движением перерезал поросенку горло. Поток крови, пульсируя, хлынул на каменные плиты, которыми был замощен двор, устремляясь в канализацию. С каждым толчком пульсация становилась все слабее и слабее.

И тут отец увидел Лукаша. Он подошел к нему, положил руки на плечи, развернул так, чтобы Лукаш не видел поросенка, и, повесив по пути окровавленный кожаный фартук на дверь кладовой, увел обратно в лавку. Там он сел и терпеливо стал рассказывать рыдающему Лукашу об ужасной необходимости насилия в жизни.

Его отец был мясником.

Этот день вспомнился ему сейчас, в комнате, залитой кровью. Капитан полиции Лукаш Смолак, сын давно уже скончавшегося мясника, работал в отделе убийств двадцать лет и повидал, без преувеличения, все злодеяния, которые только можно представить. Он видел обезглавленных, сожженных заживо, видел застреленных – обычное дело, видел тела забитых камнями и арматурой, тела зарезанных и искромсанных на куски. Но самыми жуткими убийствами, от которых стыла кровь, были те, что совершил маньяк, которого вся Прага называла не иначе как Кожаный Фартук.

Здесь, в этой комнате, был истинный ад на земле. Тело человека лежало на кровати, и только по обрывкам одежды можно было определить его пол. Женщина. Почти все ее органы были вырезаны из тела. На месте живота зиял провал, вскрытая грудная клетка, как остов корабля, потерпевшего крушение, белела оголенными ребрами в кровавом месиве. В углу кровати убийца педантично сложил гладкие, серо-коричневые и розовые витки кишечника. На полу, в китайском фарфоровом тазу для умывания, не менее педантично были разложены почки и сердце убитой.

Лицом несчастная была повернута в сторону Смолака. Вся кожа, как маска, была с него снята, блестящие белые глаза смотрели с укоризной, зубы ощерились в безгубой улыбке.

Простыни пропитаны кровью, а так – никаких признаков борьбы. Если повернуться спиной к кровати, комната выглядела обычно, не считая, конечно, зловонного пятна на коврике у двери, – домовладельца, обнаружившего тело, вывернуло наизнанку.

Смолаку пришлось отправить своих помощников на улицу, чтобы те могли отдышаться. Даже он, с его многолетним опытом работы в отделе убийств, не мог смотреть на труп без подступающей тошноты. И только один человек оставался беспристрастным. Низкорослый, полноватый, одетый в мешковатый костюм, он вел себя, как настоящий профессионал. Доктор Вацлав Бартош, медицинский эксперт, склонился над убитой с большой лупой в руке, забросив галстук через плечо, чтобы не запачкать в крови. Он делал свою работу.

К Смолаку подошел его подчиненный, детектив-сержант Мирек Новотны. Амбициозный рыжеволосый офицер обычно всем своим видом выражал чрезмерную самоуверенность. Но не сегодня. На бледной коже Новотны ярко выделялись веснушки.

– Нашли что-нибудь? – спросил Смолак.

– Да, кое-что есть, капитан. На этот раз старина Кожаный Фартук совершил ошибку.

– Неужели? – пробормотал Смолак, не сводя глаз с кровати.

– Мы обнаружили свежие отпечатки пальцев, которые не принадлежат жертве. И там, в углу... – Новотны указал на пол рядом с кроватью. – Он наступил в лужу крови и оставил частичный след.

Смолак нахмурился:

– На него что-то не похоже.

Он подошел и наклонился, чтобы проверить отпечаток. Нет сомнений – на полу была видна половина следа от ботинка с гладкой подошвой. Обувь явно была мужская, хотя и небольшого размера.

– Странно... Он не оставляет улики. Никогда не совершал ошибок раньше...

Новотны пожал плечами:

– Возможно, он хочет, чтобы его поймали. Иногда они так делают, психи же. Испытывают чувство вины в глубине души или что-то в этом роде, вот и хотят, чтобы их поймали и наказали. Ну, или играют в какие-то глупые игры с нами, как в кошки-мышки.

– Это не про него. Он особенный, в свои зверства вкладывает много труда. Можно предположить, что он наследил, чтобы посмеяться над нами, – мол, попробуйте поймать, – но я в этом сомневаюсь. – Смолак еще раз пристально посмотрел на след. – Как-то это все очень странно. Нашли еще что-нибудь?

– Никаких признаков взлома нет, – рапортовал Новотны. – По словам домовладельца, три дня назад она потеряла ключи на рынке. Ему пришлось впустить ее.

Смолак задумчиво кивнул.

– Вы думаете, убийца обчистил ее карманы?

– Возможно. Это объясняет, как он попал в квартиру. Думаю, надо отправить пару ребят на рынок, пусть поспрашивают, не ограбили ли еще кого-нибудь в тот день.

– Надо также выяснить, не терял ли ключи кто-нибудь из предыдущих жертв, – продолжил Смолак. – Об этом могли не рассказать, посчитав за мелочь.

Как только Новотны ушел, Смолак повернулся к медицинскому эксперту, который, закончив осмотр, выпрямился и вернул галстук на место.

– Она мертва уже сутки или больше, – сказал доктор Бартош. – Назвать конкретную причину смерти трудно: слишком много разрезов и слишком много органов недостает, но ей перерезали горло. Если это была первая рана, то смерть, на ее счастье, была мгновенной. Могу с уверенностью сказать, что все эти мерзости напавший проделал на высочайшем уровне.

– Отлично сработано?

– Если это еще одно убийство, совершенное так называемым Кожаным Фартуком, то он становится все более изощренным, демонстрируя свое мастерство в расчленении. Он точно знал, что делать, и умело провел все операции.

– Врач?

– Не обязательно. Он может быть хирургом, анатомом, или забойщиком, или мясником. Но ходят слухи, что вы, возможно, уже схватили этого человека.

– Что? – в замешательстве переспросил Смолак.

– Некий ученик мясника из еврейской лавки, как я слышал. Этот парень схватил женщину на железнодорожной станции Мазарик и угрожал ей ножом, пока его не подстрелил один из ваших ребят.

Смолак покачал головой.

– Он не был евреем, не знаю даже, откуда берутся такие слухи. Во всяком случае, это не тот, кто орудовал здесь. Просто безумец с ножом.

– Простите, вы не считаете, что совершивший подобное – сумасшедший? – недоверчиво спросил Бартош, кивая в сторону расчлененного тела.

– Конечно, он сумасшедший, но... другой. Его безумие другого рода. Тот, кто сделал это, живет в нашем мире, а не в Зазеркалье. Как вы сами сказали, он точно знает, что делает. Единственное, чего я пока не могу понять, почему он выбрал именно эту женщину.

Смолак снова огляделся. Комната была дорого обставлена, а сам дом в стиле барокко располагался на одной из извилистых террас холма в районе Мала-Страна. Это была богатая часть города, где традиционно жили немцы, за что ее называли также Прагер Кляйнзейт. Проходя через квартиру к спальне, Смолак заметил на столе гостиной газету Prager Tagblatt на немецком языке, и почти все книги в библиотеке были на немецком. Жертву звали, как ему сообщили, Мария Леманн. Немка. Все предыдущие жертвы также носили чешско-немецкие фамилии, но Смолак до сих пор случая не обращал внимания на это совпадение, полагая, что этническая принадлежность никак не могла стать мотивом. Вернее, последнее, о чем хотелось думать Смолаку, что убийца руководствуется националистическими мотивами.

– Как бы там ни было, – сказал Вацлав Бартош уже в дверях, – я напишу отчет и пришлю его.

Перед выходом он задержался, нахмурился и повернулся к Смолаку.

– Что-то еще, доктор?

Бартош пожал плечами:

– Возможно, просто наблюдение. Есть нечто вне моей профессиональной компетенции.

– Поверь мне, доктор, я буду благодарен за любые замечания, которые вы можете сделать. Это уже четвертое убийство.

– Все это... – доктор осторожно махнул в сторону кровати. – Все это кое-что очень напоминает. Около пятидесяти лет назад в Лондоне произошла серия подобных преступлений. Обычно убийства совершались на улицах или парках, ровно так же поступает и Кожаный Фартук. Но одну женщину там, в Лондоне, убили в доме, и я должен сказать вам, что картина очень похожа на эту. Возможно, вы слышали: в Англии это стало почти что фольклором. Убийца известен как Джек Потрошитель. Не знаю точно, но, кажется, его так и не поймали. Было несколько подозреваемых, однако доказать их причастность не удалось.

Смолак нахмурился; он смотрел на расчлененное тело, но на самом деле его не видел – просто вспоминал предыдущие убийства, восстанавливая в памяти хронологию и подробности.

– То есть вы говорите, нужно искать англичанина? Которому сейчас примерно от семидесяти до девяноста лет?

Доктор покачал головой.

– Когда говорят о викторианском Лондоне, вспоминают прежде всего трех человек: королеву Викторию, Чарльза Диккенса и Джека Потрошителя. Причем не обязательно в таком порядке. Как я уже сказал, маньяк, который так жестоко убивал женщин, стал почти что фольклорным персонажем. Подобно тому, как наш соотечественник Ян Неруда, прекрасный писатель, находился под влиянием Чарльза Диккенса, возможно, и Кожаный Фартук видит себя творческим наследником Джека Потрошителя. Слишком много сходств, которые следует учитывать.

Смолак задумчиво кивнул. Признаться, ему вспоминался Потрошитель, но он не знал подробностей о лондонских убийствах.

– Насколько я помню, в Лондоне все жертвы были проститутками. А эта женщина... – Он кивнул в сторону тела на кровати. – Нет, она не была дамой легкого поведения. Обеспеченная молодая леди.

Доктор снова пожал плечами.

– Я же сказал, это просто наблюдение.

– Хорошо, я займусь этим. Спасибо, доктор.

– Есть еще одна деталь, которую стоит, наверное, принять во внимание, – сказал Бартош прежде чем уйти. – Вблизи одного из мест, где было совершено убийство, приписываемое Потрошителю, был обнаружен кожаный фартук.

Доктор ушел. А Смолак вдруг заметил, что у ножки кровати что-то сверкнуло.

4

«В этой задержке есть свои преимущества, – утешал себя Виктор Косарек. – Гораздо приятнее совершить поездку при свете дня». Он испытывал невероятную любовь к своей стране: ощущал глубокую связь с природой Чехословакии, ее ландшафтом и культурой, и в этом не было чувства ожесточенного национализма – товара, на который вел охоту тевтонский сосед. После вчерашних событий так приятно было бы сидеть и наблюдать, как за окном поезда город уступает природе.

День снова был холодным, но в просветах между тонкими полупрозрачными ветвями деревьев, высаженных вдоль железной дороги, плясали яркие солнечные лучи. Листья еще не опали, и за багряно-позолоченной бахромой поднимались сосновые леса, дышащие легендами. Земной рябью мелькали холмы, скачающие горы выламывались из недр, мелькали поля и деревушки. Темное сердце Европы.

Однако стоило Виктору, сидящему у окна, поддаться завораживающему ритму сменяющихся пейзажей, в его сознании возникло лицо того молодого человека со станции. Ярче всего врезалось в память выражение ужаса и отчаяния, когда

несчастный бросился на него с ножом. Сейчас парень лежит в палате Главной университетской больницы в Праге, на грани жизни и смерти.

Никогда раньше, хоть он и провел немало исследований различных случаев галлюцинаций и паранойи, Виктору Косареку не удавалось представить себя в центре мира сумасшедшего; увидеть действительность глазами умалишенного, искаженную, хаотичную и страшную. Каково это – так бояться за собственную жизнь? Каково это – видеть демонов и монстров вокруг?

Затем в мысли Виктора вторглось другое, более знакомое лицо. Он постарался припомнить, когда последний раз видел Филипа Старосту.

Филип был сердечным, приветливым, светлым человеком, в компании с которым Виктору нравилось проводить время; но в то же время Филип был темной, пылкой, напористой личностью, чье общество казалось Виктору слишком шумным. Постепенно Виктор научился наслаждаться компанией светлого Филипа и терпеть общество Филипа необузданного. Как полагал Косарек, Филип был личностью, скроенной из парадоксов: это могло бы быть интересно с точки зрения исследования, но тревожило его как друга. В последнее время тревога стала более острой: Филип нередко пропадал из поля зрения окружающих, а его внезапные и сильные темные порывы увеличивались по частоте и продолжительности.

Филип не выполнил своего обещания и не пришел проводить Виктора, и это вызывало нешуточное беспокойство. Возможно, когда он, Виктор Косарек, уедет так далеко, его друга еще дальше унесет на волнах холерических припадков.

Виктор принял решение почаще выбираться в Прагу, чтобы проводить друга. В конце концов, Орлиный замок находится не на краю земли.

В купе появился еще один пассажир, приятный мужчина на вид лет пятидесяти. Он вошел, сел напротив Виктора и дружелюбно поприветствовал его по-немецки. Косарек с некоторой тревогой определил по глазам незнакомца, что тот жаждет поговорить.

– Вы едете в Млада-Болеслав? – спросил он Виктора. Вопрос был риторическим, так как оставалось всего несколько остановок до пункта назначения.

– Да, – односложно ответил Косарек.

– Прекрасный уголок страны. Позвольте поинтересоваться, с какой целью?

– По работе. – Молодой доктор наивно полагал, что на этом любопытство соседа будет удовлетворено.

Незнакомец говорил по-немецки совсем не так, как в Богемии и Австро-Баварии. Возможно, он был родом откуда-то из северной части Германии.

– Я тоже, – как ни в чем не бывало продолжил беседу немец. – Чем вы занимаетесь?

– Я врач.

– Ах, – воскликнул сосед. – Значит, вы гостили в Праге? Красивый город, поистине красивый. Такая богатая история.

– Нет, я живу, то есть жил, в Праге. Я получил новую должность.

– Так-так-так! – сказал немец. – Вот так удача! Поздравляю! Желаю вам успехов в новой работе.

Виктор улыбнулся и поблагодарил его. Несмотря на то, что столь желаемое одиночество было нарушено, дружеский настрой и приятная внешность незнакомца не оставили ни малейшего шанса раздражению.

– Профессор Гуннар Педерсен. Университет Гамбурга. Приятно познакомиться. – Немец вежливо кивнул и протянул руку.

– Доктор Виктор Косарек. – Виктор смиренно признал: длинная беседа неизбежна.

– Вы получили должность в больнице? Или вы семейный врач?

– Ни то, ни другое, – ответил Виктор. – Я психиатр. Меня пригласили на работу в Орлиный замок.

– О, я знаю, где это! – воскликнул Педерсен. – Видите ли, я профессор археологии и направляюсь как раз в те же края. – Немец задумался. – Орлиный замок... Там, кажется, держат этих убийц? «Дьявольскую шестерку»?

Виктор вздохнул. С тех пор как он принял приглашение работать в Орлином замке, все спрашивали о шестерке убийц, ставших легендой во всей Центральной Европе.

– Этот ярлык им не на пользу, да и их преступления совершенно не связаны между собой. Но вы правы, держат их именно там, в замке с таким красивым названием.

– Я хотел бы посетить замок хоть раз, – сказал Педерсен. – Совсем не потому, что там находится ваша клиника, заметьте. Просто с точки зрения археологии это интереснейшее место.

– Неужели? Насколько я знаю, замок был построен в раннем Средневековье.

– Ах, вы ошибаетесь. Сам замок в том виде, в котором он дошел до нас, возможно, был построен именно в это время, но его фундамент... – Археолог многозначительно погрозил пальцем. – То, что находится под зданием, очень, очень древнее. Замок сооружен над постройкой времен позднего неолита. Дунайская культура или, если точнее, культура линейно-ленточной керамики, я полагаю. Фактически внешняя стена замка повторяет контур оригинальной неолитической рондели[1 - Рондель – круглый или полукруглый крепостной бастион. – Здесь и далее примеч. пер.]. Знаете ли вы, что при постройке замка в проекте не были предусмотрены ни кухня, ни что-либо похожее на нее? Что это место изначально вообще не было предназначено для проживания?

– Тогда для чего этот замок возвели?

– Несмотря на то, что она не несет важного стратегического значения, это одна из самых неприступных крепостей в Богемии. Но ее возвели не для того, чтобы сдерживать врагов извне, а чтобы содержать кого-то или что-то взаперти. Поэтому нынешнее предназначение замка вполне отвечает историческому, не

правда ли?

- Вот как? - Виктор был заинтригован. - А кого же содержали там?

- Не кого, а что, - возбужденно воскликнул немец. - Под замком скрыта сеть пещер, которые, как полагали, были вратами ада. Замок построили, чтобы запереть эти врата. Понимаю, звучит как небылица, но то, что существует постройка эпохи неолита, в основании которой расположен вход в разветвленную сеть пещер, не вызывает сомнений. Вы ведь там были? Тогда наверняка обратили внимание, что стены замка будто бы вырастают из скалы. Напоминает Предъямский замок в Словении, который неприступным делает не только природа, но и стены, возведенные человеком. Мы, археологи, не знаем, когда в окрестностях Орлиного замка впервые поселился человек. Вот почему это место столь привлекательно для нас. И вот еще что. На протяжении нескольких столетий местные фермеры то там, то сям, но главным образом в полях за деревней, наталкивались на очень любопытные артефакты.

- Какие же? - не сдержал любопытства Виктор.

Педерсен наклонился поближе, явно довольный эффектом, который его рассказ произвел на собеседника.

- Керамические в основном. Что-то вроде осколков горшков, маленькие глиняные диски с отверстиями, просверленными посередине, огромное количество каменных орудий. Среди находок немало декоративных стеклянных бусин, но они относятся к гораздо более позднему периоду. Разумеется, самые ценные экземпляры сразу же были отправлены в университеты и музеи Праги и Вены. Уточню, все это было найдено вокруг замка.

- В самом деле? Я этого не знал.

- Да, да, доктор Косарек! Ваша новая работа находится в одном из важнейших районов с точки зрения археологии. Еще около пятидесяти лет назад ваш соотечественник Йозеф Ладислав Пич, отец-основатель чешской археологии, провел раскопки в лесу неподалеку от замка. Он обнаружил интереснейшие артефакты: две фигурки из глины, изображающие дородную богиню Матери-Земли, похожие на Венеру Виллендорфскую, - сейчас они находятся в Национальном музее в Праге. И, конечно, давным-давно, до раскопок Пича, были

обнаружены останки Человека-Медведя, но никто не знает, что с ними стало.

– Человека-Медведя? – переспросил Виктор с неугасающим интересом.

– Фигурка, вырезанная из кости, по-видимому, человеческой, как говорили очевидцы, но я сомневаюсь в этом, скорее, это была медвежья кость. Фигурка изображала существо, тело которого было как у крупного мужчины, а плечи и голова – как у медведя. Ее обнаружили около ста пятидесяти лет назад, но потом реликвия была утеряна. Когда ее впервые отыскали, местный гуситский священник осудил нашедшего как сатаниста, утверждая, что фигурка связана с Яном Черное Сердце... Полагаю, вы знаете, кто такой Ян Черное Сердце?

– Боюсь, что нет.

– О... – Педерсен выглядел разочарованным.

Виктор всегда удивлялся тому, как часто эксперты почему-то ожидают, что все вокруг будут разбираться в тонкостях дела, которым увлечены они сами, причем особенно часто этот грешок водился за специалистами в области медицины.

– Не принимайте на свой счет, – кивнул немец. – Ян Черное Сердце когда-то был владельцем замка и на самом деле не имел ничего общего с Человеком-Медведем, кроме того что похожее существо было изображено на его фамильном гербе. Во всяком случае, некоторые из местных жителей утверждали, что фигурки, изображающие Человека-Медведя, есть не что иное, как местная разновидность поклонения Велесу. Вы ведь наверняка слышали об этом божестве, наполовину человеке, наполовину медведе. В славянской традиции Велес – властелин подземного мира. Но, это, конечно же, вздор: найденная фигурка была сделана за несколько тысячелетий до того, как здесь появились славяне. Однако стоит обратить внимание: какой бы версии мы ни придерживались, в любой из них содержится утверждение, что эта фигурка изображает некую темную силу.

Виктор подождал, пока мимо окна пронесется встречный поезд, и спросил соседа:

– А что вы имеете в виду, когда говорите о темных силах?

– О, знаете ли, поклонение сатане, или что-то в этом роде, – Педерсен махнул рукой. – Это совершенно неважно и, я бы сказал, анахронично. Но когда фигурка Человека-Медведя исчезла, гуситский священник обвинил местных жителей в краже – мол, они будут использовать ее в черных мессах. С тех пор и пошла молва о том, что в этой истории замешан Ян Черное Сердце. Еще ходил слух, что Франтишек Ринт забрал фигурку и спрятал среди тысяч других человеческих костей, которые он использовал для создания мрачного убранства костницы в костеле Всех Святых в Седлеце в 1870 году. Лично я полагаю, что на самом деле все более прозаично: Человек-Медведь собирает пыль на полке в каком-нибудь музейном хранилище.

Все оставшееся время Виктор с археологом провели в оживленной беседе. В глубине души Косарек был искренне рад, что его вытащили из пучины мрачных мыслей. Когда они подъезжали к Млада-Болеславу, Педерсен встал.

– Боюсь, я должен вас покинуть, – сказал он, улыбаясь и протягивая руку Виктору. – Мне нужно контролировать разгрузку своего оборудования. Возможно, мы еще увидимся.

Общительный археолог удалился, и Виктор смог посидеть в тишине, наслаждаясь видами за окном.

5

Поезд остановился на погруженной в полумрак станции, теснившейся между двумя высокими насыпями. Город Млада-Болеслав был ближайшим к Орлиному замку крупным населенным пунктом. На немецкий манер Орлиный замок называли Адлерсбург – Орлиный город. В этих местах все имело два названия: чешское и немецкое. Виктору Косареку повезло вырасти в стране множественных, параллельно существующих идентичностей. Его мать была немка, отец – чех. В любом другом месте в Европе этого было бы достаточно для того, чтобы чувствовать себя в изоляции, чужим. Но не здесь. Здесь это было нормой. Конечно, большей частью в новообразованной республике – Чехословакия возникла в 1918 году – люди осознавали себя представителями какой-то определенной народности: чешской, моравской, силезской, словацкой, немецкой, польской, русинской, венгерской или еврейской. Но национальная идентификация была лишь приправой, а не основным ингредиентом в блюде из густо замешанных интернациональных мезальянсов, случавшихся на этой земле.

Как справедливо указал Педерсен, люди здесь жили испокон веков, о чем свидетельствуют древние камни. И все они были разными. Например, жители Богемии ни на кого не были похожи. Подобно богам, которым дарована вечная жизнь, они с любопытством наблюдали за суетой сует, будь то расширение и усечение границ государств, возвеличивание или падение империй, всплески патриотизма или предрассудков.

Как человеку, объектом изучения которого стала архитектура умов, эта многоликость родной земли и людей, ее населяющих, казалась Виктору завораживающей. Довольно часто ему доводилось слышать, что считать родным можно тот язык, на котором человек думает. Сам он думал как на чешском, так и на немецком языках.

Молодой доктор вышел из поезда и сразу же заметил коренастого мужчину среднего роста, на вид которому было около сорока лет. Одет он был в темно-зеленое пальто в охотничьем стиле, на голове – тирольская шляпа. Виктор понял, что это доктор Ганс Платнер, заместитель профессора Романека.

Платнер дружески усмехнулся, помахал рукой и вместе с носильщиком подошел к Косареку.

– Надеюсь, путешествие было приятным, доктор Косарек, – сказал он по-немецки и пожал руку Виктору. – Особенно после того, что произошло вчера вечером, – профессор Романек подробно рассказал мне все. Ужасное происшествие. Просто кошмар. Какое облегчение, что вы добрались без дальнейших приключений.

– Ну, на мой взгляд, я оказался в нужное время в нужном месте.

– В самом деле? Но вас могли ранить или убить, – решительно запротестовал Платнер. – Уверен, что полиция, в конце концов, справилась бы с этим безумцем. Но выходит, что вы спасли жизнь этой несчастной женщины. Возможно, будет лучше для всех, если напавший на нее и на вас человек скончается от ран, – он вздохнул.

– Ну почему же? Ведь тогда не будет возможности для его лечения и выздоровления... – Виктор был ошеломлен заявлением главного врача отделения общей медицины.

– Возможно ли излечение, доктор Косарек? – пожал плечами Платнер. – Мы же отчетливо понимаем, что говорим о человеке, представляющем собой хроническую угрозу как для себя, так и для общества.

Виктор заметил значок на воротнике пальто Платнера: узкий красный щит, затейливо пересеченный лентой, которая складывалась в буквы «S», «D» и «P». Он уже видел такой значок во время собеседования с профессором Романеком. Платнер был судетским немцем, и значок указывал, что он член Судето-немецкой партии[2 - Sudetendeutsche Partei (1933–1938) – партия немецкого меньшинства в Чехословакии.]. Эта партия пропагандировала идеи этнической автономии, и ее члены придерживались бескомпромиссного представления о национальной идентичности.

В Чехословакии насчитывалось почти три с половиной миллиона судетских немцев, большая часть из которых проживали в Богемии, Силезии и Моравии. Судето-немецкая партия на только что прошедших выборах выступила как самое большое политическое объединение и заняла заметные позиции как в Сенате, так и в палате депутатов. Она щедро финансировалась и имела тесные связи с национал-социалистами в соседней Германии. «Зло, сокрытое в темном лесу», – с содроганием подумал Виктор.

– О боже, – воскликнул Платнер, глядя на то, как пожилой носильщик пытается совладать с немаленьким багажом Виктора. – Думаю, все это вряд ли влезет в мою машину. – Он сердечно похлопал Виктора по плечу. – Но мы все же попытаемся уместить.

Виктор огляделся, надеясь увидеть Педерсена, но немец-археолог как сквозь землю провалился.

– Позвольте? – вежливо осведомился Платнер и повел Виктора к совершенно новому «опелю»-P4, припаркованному поблизости. У этого автомобиля вместо багажника было специальное крепление над задним крылом, закрывающееся тентом, и с помощью носильщика багаж удалось благополучно разместить.

– Вы частично немец по крови? Насколько я помню, вы упоминали об этом на собеседовании, – уточнил Платнер как будто вскользь, как только машина тронулась, но вышло довольно прямолинейно.

Виктор вспомнил, что по телефону профессор Романек предупреждал о радикальных взглядах своего коллеги, и, услышав вопрос, подумал, что совместное путешествие может превратиться в политическую дискуссию, как это в последнее время происходило повсеместно.

– По крайней мере, наполовину, – миролюбиво ответил он. – Моя мать была родом из Гнадлерсдорфа, или, по-чешски, Хнанице. Знаете где это?

– К сожалению, нет, – сказал Платнер.

– Ничего удивительного, это совсем крошечная деревушка. В Моравии... практически на австрийской границе. Мой отец был чехом, но его мать тоже немка по национальности. Если уж на то пошло, фамилия Немец[3 - Nemes (чешск.)] в моей родословной значит очень много, но это вовсе не говорит о немецком происхождении.

– Вот так! – Платнеру, похоже, пришлось по душе родословная Виктора. – Ваша фамилия – Косарек – это значит «жнец», не так ли?

Виктор кивнул.

– Или тот, кто делает косы.

– Вам нужно сменить фамилию, дорогой юноша, – радостно воскликнул Платнер. – Как бы это звучало по-немецки? Наверное, Сенсенманн[4 - Sensenmann (нем.) – человек с косой, жнец.], но не думаю, что пациентам в больницах стоит, пусть косвенно, напоминать о Старухе с косой. Или, может быть, Сенсеманн?[5 - Sensemann (нем.) – человек, который делает косы.] Подумайте об этом. В восемнадцатом веке жил миссионер по фамилии Сенсеманн. Готтлиб Сенсеманн. Он тоже был моравско-немецкого происхождения. Может быть, Косарек – славянизация Сенсеманна? Может, вы еще более немец, чем думаете! – лицо Платнера сияло от удовольствия.

– Это не имеет большого значения, – парировал Виктор. – Все это, – он избежал слова «национальность», – на самом деле не определяет, кто вы. На мой взгляд, во всяком случае.

Платнер ничего не ответил, но Виктор заметил, взглянув на него, что улыбка с его лица исчезла.

Какое-то время они ехали в тишине. Казалось, что сосны на обочинах становились все толще и все выше, а лес все темнее. Узкая дорога была так извилиста, что казалось, она пытается вырваться из цепких объятий деревьев.

Будучи психиатром, Виктор знал, что тревоги могут произрастать из конкретных страхов, которые когда-то испытал человек, склонный к неврозу. Так, у одного из пациентов, которого он наблюдал, развилась гилофобия – болезненный страх перед лесом; перед темнотой чащи, перед тенями в глубине. При лечении этого пациента Виктор обнаружил, что у него самого проявляются те же симптомы. Но это было объяснимо, его собственная фобия была связана с конкретным травматическим событием. Когда Виктор был еще ребенком, он играл в лесу, что ему было категорически запрещено, но разве для мальчишек существуют запреты. На опушке у него было секретное место – поляна среди деревьев, где раньше они играли с младшей сестрой Эллой. Но с Эллой приключилось несчастье – она утонула, и теперь Виктор вынужден был проводить дни в одиночестве. Смерть Эллы прорвала дыру в его мире. Сестра была его лучшим другом, и теперь, когда ее не стало, в сердце образовалась зияющая пустота, наверное, ничуть не меньше той, что поселилась в сердце его матери.

В тот день Виктор пришел на их с Эллой секретную поляну, когда солнце коснулось края леса и заставило ожить тени между деревьями. И вдруг... он увидел мать. Она пристально смотрела на него невидящими глазами, ее лицо и руки были неестественно темными, как будто она и сама превратилась в тень. Скрип сука, на котором висело ее тело, был единственным звуком в замершем лесу.

Самоубийство матери оставило неизгладимый шрам в сознании Виктора. У него появился смутный, безотчетный страх леса. Виктор мог любоваться красотой дубрав и ельников, когда видел их издалека, но чувствовал что-то похожее на паническую атаку, когда оказывался среди деревьев. И именно самоубийство матери побудило его стать психиатром. Он хотел понять, что приводит к душевным заболеваниям, и вылечить их. Ему хотелось утолить великие печали, которые подводят таких людей, как его мать, к критическому состоянию. Состоянию, когда они решают покончить с собственной жизнью или жизнями других людей.

Таким образом, цепочка причин привела Виктора в медицину, в психиатрию и, наконец, сюда, на новую должность в Орлиный замок, где находилась клиника для душевнобольных преступников.

До замка осталось ехать минут двадцать, путь по-прежнему пролегал по лесистым уступам горы. Замок, в котором располагалась клиника, находился на самой вершине. Виктор почувствовал животный страх, почти ужас. Отступить было поздно. Как мощные челюсти зверя-исполина, над чащей взлетали каменные зубцы скал, а еще выше, над ними, из горного склона вырастали мрачные стены. Конусные крыши на высоких, поросших плющом башнях были похожи на колпаки ведьм или колдунов. Одну из башен, стремительно сужающуюся кверху, венчал сверкающий шпиль, и шпиль этот напоминал нос корабля, парящий над волнами в шторм. Над самой большой по площади постройкой, главным корпусом, также был остроконечный шпиль, только темный, окруженный игольчатыми шпицами, которые, казалось, держали небо. Виктору достаточно было взглянуть на хищные зубцы шпилей, чтобы понять, почему замок называют «орлиным».

В стародавние времена в глубине земли произошло что-то, из-за чего скала, на которой теперь стоял замок, была рассечена на две части, будто в порыве гнева Бог ударил по ней топором. На одной из них, меньшей, расположился барбакан, защищающий подходы, на другой – сам замок, а над пропастью между ними был проложен узкий каменный мост. Непрístupность замка поражала воображение, но теперь эти прочные стены и труднодоступное местоположение использовались не для того, чтобы сдерживать натиск внешнего врага, а чтобы исключить побег тех, кто был заключен внутри.

Они подъехали к воротам барбакана, у которых ютилась сторожевая будка. Платнер небрежно махнул рукой, не опуская стекла, и тяжелые дубовые ворота распахнулись, словно их открыли невидимые стражи.

– Электрический привод, – гордо сказал Платнер.

«Опель» пересек глубокую пропасть по каменному мосту, проехал через еще одну сторожевую башню, и они очутились в мощном дворе замка. Виктор Косарек вышел из машины и огляделся. Несмотря на прекрасный осенний денек, ему показалось, что он попал в ловушку и теперь ему не вырваться из этих цепких каменных объятий.

В то время как замок каждой деталью своего облика говорил о многовековой истории, оснащение больницы кричало о достижениях прогресса. За толстыми средневековыми стенами скрывался самый современный интерьер. Все было выдержано в светлых тонах: пастельные оттенки василькового в одном коридоре, земляничного – в другом. Потолки повсюду были побелены. Виктор обратил внимание на приятную цветовую гамму еще месяц назад, во время своего предыдущего визита. Он понимал, что все это было сделано для комфорта пациентов и, наверное, для того, чтобы отвлечь внимание от устрашающей архитектуры здания.

Уже тогда он подумал, что, судя по выбору цвета, профессору Романеку придется по душе хотя бы некоторые из его прогрессивных идей. Виктор воспринимал психическое заболевание как великую печаль, которую, как он полагал, подпитывали чувство одиночества и страхи. За свою не такую уж долгую взрослую жизнь он повидал слишком много учреждений, больше похожих на тюрьмы; в них пациенты оставались наедине со своими страхами и одиночеством. Несчастные пребывали в таких условиях, которые едва ли можно было назвать гуманными. Так что любая попытка изгнать чувство одиночества и ощущение страха из медицинского учреждения была хорошим знаком.

Несмотря на то, что Ганс Платнер поразил Виктора тем, что оказался человеком совершенно иного склада, нежели профессор Романек, он явно гордился инновационными технологиями, применяемыми в Орлином замке. Пока они шли по коридорам, Платнер то и дело останавливался, чтобы продемонстрировать процедурные кабинеты и оборудование в них, «новейшее в медицинской технике».

Платнер не был, как Виктор или Романек, психиатром; он был врачом общей практики; в его обязанности входили заботы о физическом здоровье пациентов больницы. Поэтому Виктор не был удивлен, что предметом гордости Платнера было крыло, в котором располагался лазарет.

Платнер тут же предложил провести небольшую экскурсию по лазарету своему новому коллеге. Когда он распахнул входную дверь, Виктор понял, что гордость сопровождавшего его судетского немца не была беспочвенной. В лазарете все блестело чистотой, в коридоре стояла хорошая мебель. Массивные

межкомнатные двери с тяжелыми засовами здесь были заменены на легкие створки без ручек с круглыми окошками на уровне глаз. Пять стандартных палат для пациентов, рентген-кабинет, полностью оборудованная операционная и три комнаты для консультаций. Однако ни одного пациента в лазарете не было.

Платнер познакомил Виктора с двумя медсестрами-чешками, и перешел на немецкий, чтобы представить врача, доктора Кракла. Кракл был угловатым рослым блондином, он слегка горбился, как обычно это делают чрезмерно высокие люди. Крючковатый нос и мешки под глазами придавали его облику хищный вид. Виктор улыбнулся, пожал руку Краклу – и почувствовал мгновенную, инстинктивную неприязнь к этому человеку. Он заметил, что из-под воротника медицинского халата у Кракла выглядывает краешек галстука, заколотый значком Судето-немецкой партии, таким же, как на лацкане Платнера.

Наскоро попрощавшись с Краклом, они продолжили экскурсию. На первый взгляд, единственное, что отличало лазарет от любой другой больницы, за исключением небольшой площади, было то, что здесь имелись три «безопасные» комнаты с дополнительными крепежами на кроватях и резиновой обшивкой на всех острых углах и краях. Была также собственная лаборатория и аптека, и, к удивлению Виктора, полностью оборудованный спортивный зал.

– Моя ответственность – не только лечение заболеваний, но и профилактика, – объяснил Платнер. – Те пациенты, симптомы болезней которых находятся под контролем, или те, у кого стадия ремиссии, приходят сюда раз в неделю для прохождения терапии и физических упражнений. *Mens sana in corpore sano* [б - В здоровом теле здоровый дух (лат.)].

– Очень впечатляет, – сказал Виктор с искренним энтузиазмом. – Действительно, доктор Платнер, очень впечатляет.

Платнер засиял.

– А где я смогу работать с пациентами? – спросил Виктор.

– Вы имеете в виду, где вы сможете проводить свои наркоаналитические сеансы? То есть сеансы наркосинтеза? – Платнер вложил в свой вопрос дружелюбный скептицизм. – Насколько я знаю, вам выделили комнату в старой

части замка. В башне. Но об этом лучше спросить профессора Романека, он точно скажет, где именно.

Они направились в кабинет управляющего по вопросам размещения персонала. По пути им встречались сотрудники клиники. Виктор обратил внимание, что белая униформа медсестер была менее формальной, чем обычно, а санитары носили короткие куртки, как у стюардов, белые, с черной оторочкой. Однако тип людей, работающих санитарями, был точно таким же, как во всех психоневрологических учреждениях, где доводилось работать Виктору. Независимо от того, насколько прогрессивными были условия, санитары были грубыми и бесстрастными. Но именно такие и могут сдерживать пациентов в кризисных ситуациях.

Старинная архитектура напомнила о себе арочными нишами. В глубине ниш прятались наглухо запертые дубовые двери. Традиционные тяжелые засовы были усовершенствованы современными противовзломными механизмами. Кроме того, Виктор заметил маленькие серые металлические коробочки: по одной на краю каждой двери (всего дверей было четыре) и еще по одной на косяках.

– Здесь у нас четыре отделения для пациентов, – объяснил Платнер. – В каждом отделении по четыре палаты. Между двумя занятыми палатами еще две остаются пустующими. Вы ведь наверняка слышали, что профессор Романек придерживается теории «ментальных инфекций», как он их называет. Следуя этой теории, он предпочитает держать пациентов не то чтобы в изоляции, но так, чтобы свести общение к минимуму. Позже вы увидите, что палаты у нас совсем не похожи на больничные. Скорее, это жилые комнаты. Но в противоположном крыле замка у нас есть и другие палаты, уже для полной изоляции. В настоящее время они пустуют, и мы используем их как склад оборудования. У нас сейчас занято только шесть палат, но клиника рассчитана на лечение шестнадцати пациентов одновременно.

Виктор кивнул. Не стоит лишний раз вспоминать о том, что полдюжину пациентов Орлиного замка называли не иначе как «дьявольская шестерка». Правительство, насколько было ему известно, инвестировало большие деньги в модернизацию этой клиники, чтобы содержать в ней всего шестерых. Молодое государство предпочло отстраниться от этих нелюдей. Но здесь, в стенах клиники, их никогда официально не называли «дьявольской шестеркой», в отличие от всего остального мира. Профессор Романек считал, что не стоит

укреплять мифы, а лучше развеять их.

– Думаю, вы заметили серые коробочки на дверях? – спросил Платнер. – В них помещены электрические магниты, которые включаются централизованно. Если кто-то открывает дверь, когда система включена, магнитный контакт разрывается и звучит сигнал тревоги. У нас собраны все новейшие технологии, доктор Косарек, вот так-то.

Экскурсия продолжалась. За одной из дверей несколько человек в белой униформе суетились у плит, витали приятные ароматы.

– Кухня, – подтвердил очевидное Платнер.

Неподалеку от кухни, за высокой, выше и шире всех предыдущих, аркой, располагалась большая столовая. В ней стояло шесть столов. Виктор заметил, что картины на стенах столовой были в том же стиле, что и в коридорах. Учитывая древность и историческую значимость замка, он ожидал, что повсюду будут висеть потемневшие от времени портреты Карла IV и давно умерших местных аристократов, разбавленные старинными пейзажами. Но вместо этого на стенах красовались репродукции экспрессионистов. По ярким, насыщенным цветам и выделяющимся геометрическим фигурам Виктор узнал произведения Лионеля Фейнингера, Пауля Клее, Августа Макке и Василия Кандинского. Он спросил Платнера о том, кто подбирал картины, но тот лишь пожал плечами.

– Не имею к этому никакого отношения, это выбор профессора Романека.

– Они бы подошли для городского кафе, – сказал Виктор.

Зал действительно выглядел, как обычное кафе, и это казалось диковатым.

– Пациенты обычно обедают в своих палатах. Но когда их состояние достаточно стабильно, мы ничего не имеем против, чтобы они приходили сюда.

Исключение – очаровательный мистер Скала, боюсь, он не обучен хорошим манерам. Мы даже приветствуем пиво и вино в умеренных количествах для тех пациентов, у которых нет противопоказаний по симптомам или лекарствам. Вы правы, это напоминает ресторан или кафе, только посуда у нас другая.

- Посуда?

- Она изготовлена из бакелита[7 - Бакелит – особый вид пластмассы, не подверженный воздействию высоких температур.]. Из этого же материала сделаны стаканы и столовые приборы. Стекло или металл у нас, как вы понимаете, под запретом. Персонал тоже обедает здесь. Мы пользуемся обычными столовыми приборами, но при входе и выходе из столовой у нас строгий контроль – вносить и выносить ничего нельзя.

Они осмотрели хорошо оборудованную комнату для музицирования и художественную студию. Платнер воздержался от комментариев. У Виктора сложилось впечатление, что он со скепсисом относится к непрактичной, по его мнению, терапии, результаты которой нельзя было с точностью спрогнозировать.

Длинный коридор вел в следующее крыло замка. Вход был перекрыт решеткой из мощных железных прутьев, но сбоку была небольшая дверца. Платнер достал ключи, отпер замок и толкнул ее – петли протяжно заскрипели.

- Вы получите свой набор ключей, – сказал он. – Здесь у нас жилой корпус для персонала. Но в этом же крыле находится изолятор, о котором я говорил, ну, там, где у нас временно разместился склад.

Стоило сделать несколько шагов, как Виктор осознал разницу: замок здесь снова стал за мком. В интерьере исчезли пастельные цвета, да и картин не встречалось. Мрачные каменные стены кое-где были обшиты темными деревянными панелями.

- Знаю-знаю, – сказал Платнер с усмешкой. – Все это очень готично. Но именно так замок выглядел изначально. Вы привыкнете к этому.

- Понимаю, – рассеянно произнес Виктор.

Он остановился, чтобы рассмотреть панели, покрытые искусной резьбой. Его внимание привлекла одна из них: в хитросплетении узоров угадывалось лицо грузного мужчины, но если посмотреть под другим ракурсом, виделся оскалившийся зверь. Оборотень? Виктор вдруг осознал, что это не волк, как ему показалось на первый взгляд, а медведь.

– Медведь... – тихо проговорил он.

Доктор Платнер приподнял бровь и сказал:

– Профессор Романек ждет вас, доктор Косарек.

7

Он проклинал туман. Вся Прага была окутана им, вокруг уличных фонарей светились спектральные круги, а дома превратились в угловатые формы в оттенках серого и черного. Туман для полицейского – это плохо.

Капитан Лукаш Смолак проехал мимо дома, адрес которого был указан, как место жительства подозреваемого. В идеале ему надо было бы припарковаться на противоположной стороне улицы и вести наблюдение из машины, ожидая, когда Тобар Бихари вернется домой, но эта часть города была самой бедной в Праге, а квартал – самым нищим и самым обветшалым. Не только скрытая завесой тумана новехонькая «прага пикколо», как у Смолака, но и любая машина в этом районе казалась диковинкой. К тому же была и вторая машина, «альфа», а в ней сидели три офицера в форме, поэтому Смолак решил припарковаться за углом и пройти пешком, чтобы наблюдать за входом в жилой дом из арки через улицу. Прибыв на место, он объяснил своим подчиненным, чтобы те ждали сигнала двумя вспышками фонарика.

По отпечаткам пальцев, найденным на месте убийства в Прагер Кляйнзейт, личность побывавшего в комнате удалось определить без труда. Тобар Бихари и раньше попадал в поле зрения полиции. Пройдоха из пройдох, но вроде бы ничего такого серьезного за ним не водилось. Было известно, что он искусно владеет опасной бритвой, ножом и стилетом, однако без надобности на рожон не лез. И еще одно важное дополнение – Тобару ничего не стоило достать ключи из сумочки Марии Леманн, так как он обладал воровскими навыками. Но при всем этом Смолаку, лично знавшему Тобара Бихари, было трудно связать его с Кожаным Фартуком или кем там был убийца.

Подозреваемый должен был появиться с минуты на минуту. Полиция уже составила подробное досье на него: этот фрукт попадал на скамью подсудимых с удручающей регулярностью. Сроки, как правило, были небольшие, и стоило

ему выйти на свободу, он вновь окунался в темную жизнь. Кроме вовлеченности в разного рода махинации, Тобар был сутенером молодой проститутки, которая работала где-то в квартале Жижков, а жила тут, поблизости. Сегодня среда, у нее выходной, и человек, за которым следила полиция, как подозревал Смолак, был не только ее сутенером, но и любовником, – значит, приведет ее в свою квартиру.

Стоя в холодной арке, Смолак успел выкурить три сигареты. Вдруг он увидел, как две темные фигуры вышли из-за угла на плохо освещенную улицу. Они шли по его стороне, а не по той, где находился дом подозреваемого.

«Возможно, это вовсе и не он», – подумал Смолак.

Кавалер держал даму под руку, они приближались, и в слабом свете Смолак заметил, что молодая женщина слегка прихрамывает при ходьбе. Это соответствовало тому, что Смолак знал из досье о проститутке. Он погасил недокуренную четвертую сигарету, отступил в черноту неосвещенной арки и быстро мигнул фонариком.

Когда пара подошла ближе, до Смолака донеслись обрывки их беседы. В голосе мужчины звучали нотки то ли грусти, то ли беспокойства. Женщина, казалось, пыталась его утешить.

В ответ на сигнал Смолака «прага альфа» вывернула из-за угла, и утонувшая в густом тумане улица осветилась фарами. Мужчина и женщина на мгновение замерли. Смолак узнал подозреваемого – это точно был он. На лице маленького смуглого человека отразился сильный испуг, и это было странно. Паршивец, как известно, не боялся полиции.

– Тобар! – окрикнул подозреваемого капитан. Когда «альфа» остановилась рядом с парой, он вышел из арки и крепко схватил мужчину чуть выше локтя.

Ничего такого особенного, обычное задержание, но реакция Тобара озадачила: мужчина закричал, и это был вопль ужаса. Дикие невидящие глаза были широко распахнуты. Он исхитрился выдернуть руку и оттолкнуть Смолака. Капитан был гораздо выше и сильнее, но от неожиданности пошатнулся и ударился спиной о стену.

Воспользовавшись преимуществом, Тобар повернулся и побежал прочь. Пока Смолак приходил в себя, один из полицейских бросился вслед за мужчиной, но ему не повезло – спутница подозреваемого ударила офицера по ногам, и тот упал на грязный тротуар.

– Вы! – крикнул Смолак другому полицейскому, устремляясь за Тобаром. – Держите ее. Остальные – со мной!

Смолак был человеком крупным и бежать ему было тяжело. Добравшись до угла, сквозь туман он увидел силуэт, удаляющийся в сторону пересечения трех улиц. Как и бо льшая часть Старого города, этот район был настоящим лабиринтом – если он потеряет Тобара из виду, его уже не найти.

Младший офицер бежал быстрее Смолака и практически настиг мужчину. Они оба повернули за угол и растворились в сумраке. Когда Смолак и старший офицер добежали до угла, они увидели, что их коллега прижался спиной к стене, обхватив ладонями лицо. Между пальцами сочилась кровь.

– Ублюдок порезал меня, – простонал он. – У него нож.

Смолак осмотрелся – Тобара было не видеть.

– Да я, вообще-то, в порядке, – сказал раненый полицейский. – Успел увернуться, а то бы без глаз остался.

Старший офицер вытащил из кармана платок и протянул напарнику. Тот прижал сложенную в несколько раз ткань к лицу и кивком указал в ту сторону, куда направился Тобар.

– У него только два пути, и оба ведут в тупики. Если он не спрячется в одном из домов, мы его достанем, – проговорил он и выпрямился, готовый продолжать погоню.

– Оставайтесь здесь, – распорядился Смолак. – Мы сами справимся.

Вдвоем со старшим офицером они бежали по улице, проверяя каждый темный угол. В конце улицы углом стоял дом, деливший ее на два рукава. Смолак

кивком указал направление офицеру.

– Будь осторожен, – сказал он. – На этот раз он ни перед чем не остановится.

Пистолеты оба держали наготове.

– Лучше бы взять его живым, если это возможно.

Офицер молча кивнул.

Они разделились. Смолак пошел в правый рукав. В переулке было очень темно. Под ногами блестели мокрые булыжники, кое-где покрытые жирными пятнами моторного масла. На одном из пятен он поскользнулся и тяжело приземлился на мостовую.

От падения перехватило дыхание, и потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Поднявшись, Смолак ругнулся. Выяснилось, что он повредил колено, не сказать чтоб сильно, но достаточно для того, чтобы лишить его возможности бежать. Туман усилился, и пространство вокруг сузилось до пузыря радиусом не более трех-четырёх метров, в котором хоть что-то было видно. Все за пределами этого пузыря казалось нереальным, а этот чертов Тобар – недостижимым.

Смолак надеялся, что беглец выбрал другое направление, и старший офицер уже загнал его в угол. Но ничего похожего на полицейский свисток не было слышно.

«Всё, – подумал Смолак, – этот ублюдок сбежал».

Вдруг краем глаза он заметил, как смутная тень в нише слева от него слегка шевельнулась и снова погрузилась в темноту. Он напрягся и заставил себя не смотреть в ту сторону. Шестое чувство подсказало ему, что произошло: Тобар укрылся в темноте, пережидая, пока его преследователь пробежит мимо, чтобы сразу после этого броситься в обратную сторону и выбраться из тупика. Если бы он, Смолак, не упал, он бы точно упустил преступника.

Наклонившись, Смолак стал ощупывать колено, нарочито громко ругаясь. Потом молниеносно выпрямился, в два прыжка достиг ниши и включил фонарик.

Ослепленный лучом маленький мужчина стоял в дверях. В вытянутой руке в свете фонарика блеснуло лезвие.

- Та-а-ак, Тобар... - Смолак сделал еще два шага к нише, продолжая слепить глаза бандита фонариком. - Выходи давай!

Мужчина, щурясь, попытался прикрыть глаза одной рукой, а другой сделал пару взмахов ножом в воздухе.

- Стой! Не подходи, зарежу!

- Не делай глупостей, Тобар, - устало проговорил Смолак. - Я вооружен. Брось нож сейчас же. Ну же!

- Никуда я не пойду. Он послал тебя, не так ли? Ну нет, меня он не получит! Я лучше умру! Я убью тебя!

- Ты про кого говоришь?

- Ты знаешь, про кого. Черт подери, ты это прекрасно знаешь!

- У меня нет времени, Тобар, не пудри мне мозги, - сказал Смолак, делая еще один шаг вперед.

Маленький мужчина снова издал высокий, пронзительный крик и, все еще ослепленный фонариком, сделал выпад в сторону Смолака, яростно рассекая ножом воздух.

Грузный детектив едва успел увернуться от удара, лезвие прорезало ткань пальто, не задев плоти. В ту же секунду, имея преимущество в росте, он ударил бандита рукояткой пистолета в висок. Оглушенный ударом, Тобар свалился на мостовую, и Смолак резко наступил ботинком на руку, все еще сжимавшую нож. Затем он трижды свистнул в свой свисток. В ответ раздался ответный свист полицейских и стук тяжелых сапог по булыжникам. Из-за угла вывернула

полицейская «прага альфа».

Смолак посмотрел на человечка, лежавшего у его ног: Тобар дрожал, почти теряя сознание.

Что же так напугало этого мелкого жулика. Кого он так боялся?

Кто должен был прийти за ним?

8

Профессор Ондрей Романек ждал их в своем кабинете. Романек был приятным на вид мужчиной лет пятидесяти. Среднего роста, крепко сложенный. Аккуратная бородка, редкие светло-русые волосы, слегка потемневшие от геля, зачесаны назад. Лицо светилось умом и добротой. По типу Романек напоминал деревенского доктора, которому доверяют инстинктивно, и можно было предположить, что это дает ему бесспорное преимущество при разговорах с пациентами. У Виктора такого преимущества не было. Он был молод и красив, и когда знакомился с пациентами, казалось, они боялись его.

Учитывая продуманный интерьер клиники и неформальную униформу персонала, Виктор был удивлен, увидев, что Романек одет в лабораторный халат длиной до середины икр. В этом халате с застежкой на пуговицах на плече профессор был похож на фармацевта или хирурга, но никак не на психиатра.

– Мой дорогой доктор Косарек! – улыбнулся Романек Виктору, обходя огромный стол из красного дерева в венгерском стиле, чтобы обменяться рукопожатием; другой рукой он похлопал Виктора по плечу. Профессор говорил по-чешски. – Так приятно снова вас видеть. Мне очень жаль, что я не смог приехать и встретить вас на станции, у меня была встреча с попечителями. Но я уверен, что доктор Платнер позаботился о вас.

– Да, все прекрасно, – улыбнулся в ответ Виктор. – И я очень рад быть здесь.

– Ну, я должен сказать, что рад вашему прибытию, особенно после того ужасного эпизода на станции. У вас действительно все хорошо?

Виктор поблагодарил за участие и сказал, что пострадал не он, а молодой человек, потерявшийся в другом измерении и преследуемый воображаемыми демонами.

- Сейчас он находится в больнице, но...

Улыбка Романека растаяла.

- Боюсь, мне придется огорчить вас, мой дорогой друг. Мне позвонили из центральной больницы Праги несколько минут назад... Несчастный юноша, к сожалению, скончался от ран.

- Он умер? - удивился Виктор.

- Боюсь, что так. Час назад. Трагедия, да.

- Но я звонил перед отъездом, и мне сказали, что он стабилен... - Виктор вспомнил взгляд молодого человека, наполненный ужасом, его личной великой печалью. - Я надеялся, он выкарабкается... - пробормотал он.

- Прискорбно, - сказал Романек. - Если бы он действительно был тем самым Кожаным Фартуком, у полиции была бы возможность допросить его.

- Сомневаюсь, что это был он, - покачал головой Виктор. - В его поведении не было ничего продуманного. Я видел заблудшую душу, которую поглотила шизофреническая мания. А Кожаный Фартук, насколько мне о нем известно, - высокоорганизованный убийца.

- Давайте закроем печальную тему. Как вам понравилось у нас? Как вы уже знаете, мы являемся узкоспециализированным учреждением. Да вы присаживайтесь, дорогой!

- И очень хорошо оборудованным, - сказал Виктор, садясь на стул; Платнер остался стоять. - Доктор Платнер любезно провел подробнейшую экскурсию. Должен признать, что для шести пациентов здесь просто роскошные условия. И... это мечта врача.

– М-м-м... – Романек засмеялся. – Это правда, у нас здесь только шесть пациентов, но жуткая слава о них облетела всю Центральную Европу. Они погрузили мир в кошмар. Шесть сумасшедших, совершивших самые страшные преступления... Очень надеюсь, что вы готовы к встрече с ними. Как мы обсуждали во время собеседования, вы, как врач, будете обсуждать скрытые желания и действия, которые все человечество считает невозможными, невообразимыми. Для вас станет обычным делом говорить об убийствах, изнасилованиях, изощренных пытках, некрофилии и каннибализме. Боюсь, то, что для нас норма, может показаться ненормальным, отвратительным всем, кто находится за пределами нашего маленького круга.

– Понимаю, – кивнул Виктор.

– Будьте осторожны, мой дорогой доктор Косарек: если говорить о чудовищных действиях абстрактно, легко забыть, что наши пациенты действительно их совершали. Более того, некоторые из наших пациентов могут показаться вам обманчиво нормальными, даже приятными людьми. Ваш предшественник совершил эту ошибку – он утратил бдительность, и это могло стоить ему жизни. Бедняга лишился глаза... Всегда помните, что эту «шестерку» поместили сюда, потому что это самое надежное место, какое только можно найти для них, и каждый из них навсегда должен быть изолированным от общества.

Виктор снова кивнул. Все это он уже слышал на собеседовании. Психиатр, на смену которому он пришел, доктор Славомир, позволил пациенту взять в руки карандаш и из-за этого лишился глаза. Во время собеседования Виктору ясно дали понять, что нет никакого смысла устраиваться на работу, если он не готов осознавать риски. Эта работа не для наивных или слабых сердцем.

Также Виктору объяснили, что пациенты, содержащиеся в настоящее время в Орлином замке, заключены сюда для наблюдений: их безумие исследуется, анализируется и описывается. Есть надежда, что изучение крайних случаев может пролить свет на схему лечения психических расстройств в менее запущенной форме. Выбор кандидатуры Виктора был не случаен. Причиной ему стала теория, которую он выдвинул в недавно опубликованной статье. Эта статья, подобно теориям профессора Романека, предлагала новаторские идеи, которые многим казались противоречивыми.

– Мы стоим на передовом рубеже психиатрии, – объяснил Романек. – Теперь, когда вы на борту, мы разделим нагрузку между нами. Большая часть работы

будет включать стандартные терапевтические процедуры, но уникальное положение, в котором мы находимся здесь, в Орлином замке, дает нам фактически безграничные возможности.

- Вы имеете в виду исследования? - спросил Виктор.

- Именно! Наши пациенты - это уникальная возможность изучить и понять некоторые из самых сложных психических состояний. Вы должны осознавать, что ни один из наших пациентов никогда не выйдет за пределы этих стен. Мы делаем все возможное, чтобы они почувствовали, что замок - их дом, потому что каждому из них суждено закончить здесь свои дни.

- Даже если они излечатся? - изумился Виктор.

Романек покачал головой.

- Если бы мы каким-то чудесным способом смогли бы излечить их душу, есть и другое. Преступления, которые они совершили, заслуживают наказания, и они никогда не получают прощения за свои злодеяния. Наша функция здесь в основном паллиативная, а не лечебная, но она дает нам уникальную возможность разрабатывать новые методы лечения, находить новые способы исцеления ума и помогать тем самым другим больным. Возможно, мы не сможем спасти именно эти души, но мы сможем уберечь другие.

- Проводя на этих шестерых эксперименты.

- И находя пути предотвращения подобных случаев. Профилактика лучше лечения, мой дорогой друг. Если бы мы проводили профилактику, то это бы спасло многие жизни. Жизни жертв, я имею в виду. К сожалению, душевные болезни поражают все больше людей вокруг, и нам нужно предпринимать меры. - Профессор Романек на мгновение остановился, затем продолжил: - Когда мы разговаривали во время собеседования, я был очень впечатлен вашими теориями, особенно вашей гипотезой о дьявольском аспекте. Знаете ли, пациенты, которые находятся под нашим наблюдением здесь, в Орлином замке, больны всеми видами известных психозов, и эти их состояния не просто чрезвычайно сложны, но странно взаимосвязаны какой-то внутренней логикой. В психозах каждого из них есть странная общность. Насколько я понимаю, вы знакомы со слухами о заговоре между заключенными в этих стенах?

– Миф, что так называемая «дьявольская шестерка» на самом деле всего лишь один убийца, случай шизофренического множественного разложения личности, и здесь держат только одного пациента, не так ли? – спросил Виктор.

– Вот видите, вы сами сказали – это миф. И я могу понять, как он возник. Шесть наших пациентов не имели никаких контактов друг с другом до помещения их сюда, да и здесь у них мало шансов для общения. Однако их связывает нечто общее. Все они утверждают, что на преступления, которые они совершили, их толкнула некая дьявольская сила. Если вы пролистаете их истории болезни, то увидите, что сходство поразительно. Но есть и различия. С моей точки зрения, так или иначе каждый из них чувствует ответственность за свои злодеяния, но перекладывает эту ответственность на фигуру дьявола. Является ли эта фигура просто удобным прикрытием, созданным эго, чтобы защититься от чувства вины, или это действительно воплощение вашей теории дьявольского аспекта, выраженной в буквальной форме? Уверен, что вы понимаете, почему я считаю, что эти случаи были бы идеальными для использования на практике вашей терапии наркосинтеза.

Виктор кивнул.

– Конечно, понимаю.

– Видите ли, доктор Косарек, я не в первый раз вижу подобные вещи. На протяжении всей моей карьеры в психиатрии я осознавал странные... – Романек нахмурился, пытаюсь подобрать правильное слово. – Да, странные общие черты. Совпадения и сходства, возникающие в случаях, которые абсолютно не связаны, по крайней мере у четверых наших пациентов. Я часто задаюсь вопросом, являются ли некоторые формы безумия заразными: мощный, но искаженный способ мышления, который способен распространяться как инфекция и подавлять восприимчивый ум.

– Как подавление иммунной системы?

– Именно так. Мы все время видим это в медицине тела: среди группы людей, подвергающихся воздействию вируса, одни тяжело заболевают, а другие невосприимчивы к нему. Те, кто подвержен влиянию инфекции, обычно имеют ослабленную иммунную систему. Итак, вы видите, что наши с вами теории пересекаются в некоторых точках: если ваша гипотеза о дьявольском аспекте

верна, значит, болезнь уже распространилась, ее носители среди нас в ожидании какого-то толчка, триггера, чтобы явить ее во всей силе. Мы все заражены вирусом безумия и зла, но только хрупкая психика становится жертвой болезни в полной мере... Я хочу, чтобы вы, доктор Косарек, опробовали свою теорию здесь, с нашими пациентами. У вас будет возможность проверить некоторые из ваших идей, но я требую тщательной документации и проверки результатов. Глаза мирового психиатрического сообщества устремлены на нас, и критический взгляд очень важен, если не сказать больше.

– Вы можете положиться на меня, – сказал Виктор.

– Если бы я не верил, что вы справитесь, вас бы здесь не было, – жесткий тон профессора Романека сопровождался улыбкой, как у деревенского врача. – Только мы с вами отвечаем за лечение психики наших пациентов. А как вы уже знаете, доктор Платнер занимается только вопросами общей медицины, включая здоровье персонала клиники.

– Так что, если вас настигнет похмелье, не стесняйтесь позвонить, – сказал Платнер, сердечно похлопав Виктора по плечу. Затем он перешел на немецкий: – Я рад, что вы присоединились к нам, герр Сенсеманн.

Платнер извинился и ушел. Как только за ним закрылась дверь, Романек в изумлении поднял бровь.

– Немецкая форма моей фамилии, – объяснил Виктор, улыбаясь. – Доктор Платнер, похоже, хочет восстановить мою родословную. Но я боюсь, что она не способна выдержать столь тщательной проверки.

Это была шутка, но Романек, похоже, не понял ее и нахмурился. На мгновение Виктор забеспокоился, что говорил с неуместным легкомыслием о его заместителе.

– Это непростой разговор, учитывая, что мы с вами едва знакомы, – сказал наконец профессор. – Но я бы настоятельно рекомендовал вам избегать любых политических дискуссий с доктором Платнером. Я давно знаю Ганса, и мы долго оставались близкими друзьями. Не сомневаюсь, что он хороший человек, но он, как и многие другие богемские немцы, был огорчен проведением земельной реформы и ее последствиями. Результаты недавних выборов беспокоят меня –

как бы мы не были охвачены тем же безумием, что охватило наших соседей. Иногда я думаю о том, что маленький австрийский капрал мог бы присоединиться к нам в качестве пациента номер семь.

- Вы думаете, нацисты в самом деле представляют угрозу для Чехословакии?

- Я думаю, что они представляют угрозу для всех, а мы ближе всего географически. Наш философ, Президент Освободитель[8 - Томаш Масарик (1850-1937) - чешский общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, первый президент Чехословацкой Республики (1918-1935).], с самого начала очень четко осознавал, какая опасность исходит от Гитлера. - Романек достал портсигар и предложил сигарету Виктору, тот взял одну. - Судето-немецкая партия - это просто нацисты в одежде данного региона. Энтузиазм доктора Платнера по поводу этой партии - проблема для меня. Я думаю, что будет лучше, если политика останется за пределами замка.

- Извините, профессор Романек, я не собирался обсуждать политику...

- О, не волнуйтесь, дорогой мальчик, - тучи миновали, лицо Романика прояснилось. - Знаю, что не собирался. И я не стал бы ничего говорить, но в эти трудные и странные времена невысказанное может представлять опасность. И поверьте, я искренен, когда говорю, что дорожу дружбой с доктором Платнером. Но мне как специалисту по болезням души трудно не поставить диагноз, когда я вижу заболевание как в его коллективной форме, так и в единичных случаях. Прошу прощения, если смутил вас своей откровенностью.

- Всего нет, профессор.

- Надеюсь, что нет. Вы представляетесь мне человеком, который осознает всю сложность положения нашей новой маленькой республики.

Виктор кивнул. Он знал, что не стоит тянуть за края одеяла недавно сотканной идентичности Чехословакии. Судетские немцы, как доктор Платнер и его заместитель Кракл, с их кичливой любовью ко всему германскому, панслависты, пылкие чехословацкие националисты, польские сепаратисты из Силезии, да даже Альфонс Муха[9 - Альфонс Мария Муха (1860-1939) - чешский живописец, тяготевший к стилю «ар нуво»; возглавлял Ассоциацию Славянских художников

в Мюнхене.] с его роскошно выписанными сюжетами и мифами о славянской чистоте, – ему было сложно представить, что они готовы побрататься.

Романек раздосадовано покачал головой:

– Ах, доктор Косарек, простите паранойю старика.

Он нажал кнопку звонка на столе, и через несколько секунд дверь позади Виктора открылась. Он обернулся и увидел высокую стройную женщину. На ней был строгий черный костюм, под пиджаком – бледно-голубая блузка. Темноволосая красавица с первого взгляда поразила Виктора.

Романек улыбнулся.

– Мисс Блохова, это доктор Виктор Косарек. Доктор Косарек, это мисс Блохова, наш главный администратор.

Виктор встал и пожал женщине руку. Ее рука была хрупкой и мягкой в его ладони; улыбка – скорее дежурной. Полнота ее губ была подчеркнута малиновой помадой. Умные карие глаза и роскошные чернильно-черные волосы. Женщина была невероятно привлекательна, но помимо возникшего влечения у Виктора возникло смутное чувство, что они уже встречались раньше.

– Вы ученик моего отца, – словно прочитав его мысли, сказала она.

– Вы дочь Джозепа Блоха? – озадаченно уточнил Виктор.

– Да, я Юдита Блохова. – Она еще раз улыбнулась, теперь более приветливо.

– Ваш отец был для меня источником вдохновения: он оказал на меня столь же большое влияние, как и доктор Юнг, – восторженно проговорил Виктор. – Я знал, что у профессора Блоха есть дочь, вы, кстати, на него очень похожи, но думал, что вы еще учитесь.

Ее умный взгляд вдруг потух, улыбка растаяла.

– Мне пришлось сделать перерыв в учебе. Но я рада, что работаю с профессором Романеком.

– Конечно, конечно, я тоже рад, что попал сюда. Это отличная возможность действительно научиться чему-то.

Повисла неловкая пауза, которую нарушил Романек.

– Мисс Блохова покажет вам оборудование для ваших сеансов. Я уверен, вы будете впечатлены: у нас есть новейшее звукозаписывающее устройство: магнитофон «АЕГ K1», прямо с международной радиовыставки этого года в Берлине. Для записи в нем используется магнитная лента, – в голосе Романека звучала такая же гордость, как и у Платнера, когда он рассказывал о технических новинках в лазарете. – И, если это необходимо, мисс Блохова будет вашим секретарем и ассистентом.

Профессор подошел и положил руку Виктору на плечо.

– Но теперь, доктор Романек, – сказал он, улыбаясь, – вам пора войти в клетку со львами. Пора познакомиться с нашими пациентами...

9

Юдита Блохова с удивлением обнаружила, что ей очень понравился новый доктор. Но кое-что смущало ее: с первых же минут возникло странное чувство, что она была знакома с Косареким раньше, причем не просто встречала его, скажем, на лекциях отца, а знала близко. Косарек, бесспорно, был привлекателен: высокий, приятные черты лица, широкие плечи... «Странно, – подумала она, – как быстро он освоился. В стенах этого замка он выглядит как дома». У нее это получилось не сразу, если получилось вообще.

В отличие от нее Виктор Косарек был человеком, у которого все в порядке с происхождением. И теперь он занимал должность, которая должна была бы достаться ей, если бы учеба и все остальное шло по плану. Но все пошло не по плану. И при знакомстве с Косареким сердце царапнуло. Но надо отдать ему должное, он сказал теплые слова о ее отце, к которому явно был привязан, как к своему бывшему наставнику.

«Я буду относиться к доктору Косареку с должной профессиональной вежливостью и уважением, но в остальном надо держать его на расстоянии вытянутой руки, – решила Юдита. – И да, сегодня вечером надо будет позвонить отцу и спросить, помнит ли он своего ученика».

С некоторых пор «расстояние вытянутой руки» для нее стало мерой во всех отношениях. Каждая новая встреча, без всяких исключений, должна быть проанализирована и оценена с точки зрения наличия или отсутствия явных или скрытых угроз. Еврейские корни никогда ранее не влияли на ее жизнь, но теперь этот факт стал омрачать взаимодействие со всеми вокруг. Всё и всех теперь нужно было рассматривать как потенциальную угрозу.

Здесь, в этом замке, угроз было более чем достаточно. Она пока ничего не знала о молодом докторе Косареке, но Платнер был нацистом, в какие бы одежды не рядился, а у нацистов не было и быть не могло никакого двойственного отношения к евреям. Ганс Платнер был вежлив с Юдитой, даже дружелюбен, ничто не выдавало в нем антисемитские воззрения, но они у него были, она знала это. С Краклом, помощником Платнера, все было очевидно. Каждый раз, когда они сталкивались, его лицо выражало презрение. Стоило ему заговорить с ней, в его голосе слышалось усталое нетерпение, за которым сквозил холод, будто она была низшим во всех отношениях существом. Он терпел ее, как вынужденное неудобство, потому что был уверен – скоро все изменится.

Ирония заключалась в том, что Юдита всегда считала себя частью национального меньшинства: не еврейского, а немецко-чешского. Верхненемецкий диалект, а не идиш, на котором говорили некоторые пражские евреи, всегда был ее основным языком, по-чешски она говорила бегло, но не идеально. Не менее горькая ирония заключалась и в том, что по-немецки она все-таки говорила с чешским акцентом. Она, как и ее отец, да и вся ее семья, отождествляла себя с немецко-чешским народом, а немецкую культуру считала своей. Внезапно все это у нее отняли. То, что казалось богатым и разнообразным наследием, внезапно стало безжизненным. О, бесконечно изменчивая идентичность!

Юдиту мучили кошмары. Всепоглощающий ужас охватывал ее, ее семью и весь ее род, и она просыпалась в поту.

Каждый раз в разговорах с ней отец старался успокоить ее, призывал не заикливаться на темных мыслях, напоминал об опасности такого состояния. А она пыталась заставить его поверить, что ее страхи вполне обоснованы, что мир уже не такой, каким был раньше, и охватившие ее тревоги и подозрения отнюдь не иррациональны. Наоборот, ее страхи были разумными и объяснимыми.

Была еще одна важная деталь в их разговорах с отцом: успокаивая ее, он старательно избегал одного факта, да и она не упоминала об этом.

Нервный срыв. Ее нервный срыв.

Психическое расстройство настигло Юдиту Блохову во время учебы. Оно было связано с воображаемыми угрозами, которых на самом деле не было. Она излечилась, но это чертово расстройство навсегда разрушило ее репутацию. Так что теперь, когда угрозы стали реальными, никто не прислушивался к ее предупреждениям.

Казалось, все вдруг ослепли и не видят того, что так очевидно. Все чувствовали, как в обществе постепенно накапливается жестокость, но не понимали, что эта жестокость переросла в запредельную злобу. Совсем как дети – видят облака, но не могут предсказать шторм.

Газеты кричали о подробностях Нюрнбергских расовых законов, принятых немцами месяц назад, в сентябре 1935 года, запрещающих все отношения между евреями и не евреями. Для евреев вводились ограничения на образование, род занятий и социальные взаимодействия. Юдиту расстраивало, что она не смогла убедить своего отца в том, что в этом медленном и необратимом разделении человечества на евреев и не евреев кроется неминуемая опасность для представителей ее национальности.

Учитывая все это, Юдита Блохова оценивала каждого нового человека на своем пути как потенциальную угрозу. Но Косарек ей понравился с первого взгляда, да и он не стал скрывать, что она ему нравится. Разве это не значит, что он не заражен общим безумием?

Сегодня вечером. Сегодня вечером она спросит у отца о Косареке, когда позвонит ему.

Они потратили два часа на изучение личных дел шести пациентов. У профессора Романека был странно тусклый голос, а тон – успокаивающий, который, должно быть, хорошо помогал ему при работе с пациентами. Но когда он читал и комментировал истории болезней, это имело странный эффект: каждый клинический случай в его устах казался темной сказкой. Учитывая ужасающие, почти сюрреалистические детали, было легко поверить, что подобное могло существовать только в фантазии автора или в народных сказаниях, которым новые поколения добавляли свои краски.

Виктор так и сказал профессору:

– У вас это звучит как фольклорное повествование. Я понимаю, что это нечто иное, но как юнгианец я все же склонен видеть связь между фольклором и бессознательным. Мифология – коллективное бессознательное человечества, культуры. Вся моя теория дьявольского аспекта основана на этом. Ну, вы знаете, я писал об этом в своих статьях.

Романек задумчиво кивнул.

– Хорошее замечание, коллега. Я и не обращал внимания, что придаю поэтические нотки кошмарным историям этих людей. И если я так сделал, то это крайне неправильно с моей стороны: нет ничего более прозаического, чем психотическое насилие. Но должен признать, что я часто думал о том, насколько креативны мы, чехи. Среди нашего народа более высокий уровень психических расстройств, но у нас и большее количество музыкантов, художников, литераторов, чем у любого из соседей в Европе. Я считаю, что это во многом связано с глубиной нашей культуры и продолжительностью нашей истории. Может быть, у нас и более глубокое культурное бессознательное.

Романек встал, подошел к окну и посмотрел на залитый лунным светом лес.

– Я часто думаю, что есть причина, по которой мы сейчас с вами здесь, именно в этом замке. Мы живем на древней земле, и более древнего места, чем это, в округе не найти. Предки людей, которые живут внизу, в деревне, тоже здесь жили, их род уходит своими корнями в самые древние времена. Пусть я высокопарно выражаюсь, но здесь смешалась кровь матерей и отцов Европы.

Эта земля была заселена задолго до кельтов, до германских севов и задолго до славянских чехов. Верите или нет, история нашей маленькой деревни уходит в глубь веков на семь тысяч лет.

– Я слышал об этом, – кивнул Виктор. – По дороге сюда мне довелось познакомиться с одним немецким археологом, который рассказал мне многое о неолитической постройке, на которой был возведен замок. Он сказал, что под замком расположена сеть пещер...

– Вполне вероятно, но даже если эти пещеры действительно существуют, – а в это верят местные жители, – у нас нет доступа к ним из замка.

Романек подошел к шкафу в углу кабинета, достал два тонких бокала, поставил их на стол и наполнил вишневым бренди из графина.

– Семь тысячелетий коллективного культурного бессознательного и наша маленькая крепость в центре – отличные условия для того, чтобы заниматься изучением поврежденных умов. – Романек сел за стол, закрыл последнюю папку и поднял бокал. – За вас, мой юный друг. Теперь, когда вы услышали шесть страшных сказок, вы сожалеете о том, что приехали сюда? Знаете, у вас еще есть шанс успеть на последний поезд до Праги.

– Я не стал покупать обратный билет, – улыбнулся Виктор и поднял свой бокал. – В Бохнице мне приходилось иметь дело с ярко выраженными психозами. Возможно, те случаи не столь сложны, как у пациентов замка, но я знал, что меня ждет, когда согласился на предложенную должность.

Романек улыбнулся.

– Тогда давайте выпьем и пойдем познакомимся с первым пациентом.

11

Капитан Лукаш Смолак был человеком рассудительным. Он никогда не спешил осуждать кого-либо или сходу навешивать ярлык – он считал, что нужно время, чтобы оценить человека. В своей карьере он часто видел, как его коллеги слишком поспешно делали выводы, а затем, проводя расследование, буквально

притягивали факты за уши. Это был не его случай, он всегда проявлял большую осторожность и всегда находил время, чтобы, сопоставив факты, заглянуть за пределы очевидного.

Но в этот раз... Вина тщедушного человечка была настолько очевидной, что трудно было ее оспорить.

В комнате для допросов стоял письменный стол, к которому был привинчен дубовый стул, и вся эта конструкция, в свою очередь, была надежно прикреплена к полу. Связанный Тобар Бихари сидел на стуле. Двое полицейских стояли справа и слева от него. Кители полицейских висели на настенной вешалке, рукава рубашек закатаны выше локтей. Результат интенсивного допроса был очевиден.

Смолак вошел в комнату и сел за стол с другой стороны. Полицейские вытянулись в приветствии. Перед допросом Смолак внимательно прочитал досье, так что он был готов. Но прежде чем задавать вопросы, он взглянул на задержанного.

Тобар Бихари – невысокого роста, астенического телосложения. Он носил костюм, который был ему немного большеват, и это несмотря на амбиции портного. Крой выглядел модно, но костюм был сшит из дешевого материала. Многие сказали бы, что и сам Тобар Бихари сделан из дешевого материала, это бросалось в глаза. Взъерошенные волосы были угольно-черными, кожа смуглая, будто хранила в себе память о далеком солнце, далеком континенте и далеком времени.

Тобар был цыганом. Одного этого факта хватило бы, чтобы убедить большинство полицейских от Пльзеня до Кошице в том, что он виновен.

Но Смолак знал, что предрассудки есть самый быстрый путь к ошибке. Огромное количество камер в тюрьмах Панкраца и Рузине[10 - Исторические районы Праги.] были заполнены смуглолицыми людьми, а настоящие белокожие преступники разгуливали на свободе.

Но тут национальность была ни при чем, Бихари был виновен.

На лице Тобара Бихари блуждала легкомысленная улыбка, и это несмотря на то, что одна щека была разбита и глаз начал пухнуть. Смолак не одобрял дурного обращения с задержанными, но ничего не сказал своим коллегам. Их можно было понять: Бихари ранил одного полицейского, а другому угрожал ножом, и в таких случаях с задержанными не церемонятся. Что заслужил, то и получил.

Смолак уже не раз арестовывал Бихари. И каждый раз, виновен он или нет, Тобар вел себя так же дерзко, и никакие методы допросов не могли сбить с него эту спесь.

У Смолака не было сомнений, что цыган лжив и коварен; тем не менее он отдавал должное стойкости Бихари. Там, где другие видели только лукавство, Смолак видел острый ум. По его мнению, если бы Бихари довелось пожить жизнью, свободной от угнетения и предрассудков, свободной от ужасающей нищеты, которая выпала на его долю, он мог бы стать стоящим человеком.

Но сегодня Тобар Бихари вел себя по-другому. Его обычная уверенность куда-то испарилась. И дело тут не в том, что над ним поработали полицейские, и даже не в том, что за преступление, которое ему вменялось, наказание было одно – виселица.

Нет, что-то другое сломало волю цыгана.

– Дальше сам разберусь... – Смолак кивнул на дверь, и полицейские, забрав свои кители, вышли.

– У тебя проблемы, Тобар, – сказал Смолак, оставшись наедине с задержанным. – И они совсем не такие, как раньше. Ты же понимаешь, о чем я, да?

Бихари сверкнул на детектива темными глазами. В его взгляде читалось что-то похожее на доверие.

– Я все знаю о своих проблемах, начальник. И я, конечно же, знаю, что я влип. Но я влип не потому, что сижу здесь, есть вещи и пострашнее.

– Что ты имеешь в виду?

- Вам не понять, - с горечью мотнул головой цыган. - Вы не видели...

- Не видел что?

- Не могу сказать, - Бихари нахмурился. - А где Цора? Вы позволили ей уйти?

- Она у нас, - ответил Смолак. Женщину, которая была с Тобаром в момент задержания и которая подставила подножку полицейскому, звали Цора Мирга. - К ней тоже есть пара вопросов.

- Она тут ни при чем. Она ничего не знает.

- Тогда ей нечего бояться, Тобар, поговорим и отпустим ее с миром.

Как и Бихари, Цора Мирга была цыганкой. Разглядев женщину при ярком свете в участке, Смолак был поражен ее роковой красотой. На ней было тесно облегающее фигуру темно-синее платье, и внешность ее не мог исказить даже такой изъян, как уродливый ортопедический ботинок на левой ноге.

- Но, видишь ли, она чинила препятствия твоему аресту, - добавил детектив.

- Она калека. Почему бы вам не оставить ее в покое?

- А что у нее с ногой?

- Ее беременная мать случайно перешагнула через могилу. Из-за этого дочь родилась косолапой.

- Это суеверие, Тобар.

- Это то, во что верят люди. - Цыган странно и горько усмехнулся. - Они также верят, что дьявол не тронет Цору из-за ее косолапости. А если он попытается идти по ее следам, то ему не удастся определить, в каком направлении она пошла.

– Прекрасно, но меня интересуют твои следы. По ним мы и вышли на тебя. – Смолак посмотрел на допрашиваемого долгим взглядом. – Зачем ты это сделал, Тобар?

– Что сделал? Я ничего не делал, но вы мне никогда не поверите. – Сказано это было без тени враждебности, спокойным, ровным тоном.

Смолак вздохнул.

– Ладно, Тобар, я понимаю, что ты не убивал ее, убийства не по твоей части, кому, как не мне, это знать. Но вдруг она помешала тебе, когда ты вломился в ее квартиру, намереваясь что-нибудь украсть? Могу предположить, что ты потерял контроль над собой, а дальше все развивалось не по плохому, а по худшему сценарию. Она начала кричать или даже попыталась удержать тебя, пока не придет помощь. В такой ситуации все может случиться. Кровь ударяет в голову, ты пытаешься заставить ее замолчать, она кричит, ты не считаешь силу удара, и все, она мертва. Не успел ты опомниться, как простая кража со взломом превращается в убийство. Ну или в непредумышленное убийство. Вот это я могу понять. Издержки твоих занятий, можно и так сказать. – Смолак заиграл желваками. – Но то, что ты сделал с этой женщиной, понять невозможно. Не могу поверить, что ты убил ее, как корову на бойне, а затем погрузил руки в ее живот и вытащил внутренности. Это выше моего понимания.

– Я этого не делал. – Голос Бихари был по-прежнему ровным. Он зажмурил глаза, как будто пытался спрятаться от чего-то. – Не делал.

Смолак и раньше слышал, как Бихари отрицает свою причастность к тому или иному преступлению. Но сейчас он совершенно точно мог сказать, что цыгану наплевать, поверят ему или нет. И это очень беспокоило Смолака. Тут определенно что-то не сходилось.

– Ты узнаешь это? – спросил он, положив на стол маленькую стеклянную бусину, которую нашел на месте преступления. Цыган напряг зрение, чтобы разглядеть ее.

– Что это?

Смолак взял бусину со стола и подошел к задержанному. Он держал ее, перекатывая кончиками пальцев, перед самым лицом Бихари.

– Я никогда раньше этого не видел, – голос цыгана не дрогнул.

– Ты обронил это на месте преступления. Никто не обратил внимания. Я тоже чуть было не упустил из виду, но мне повезло. Могу поспорить, что во время обыска среди твоих вещей мы найдем подобные. Даже одна крошечная стеклянная бусина, такая же, как эта, будет достаточным доказательством, чтобы повесить тебя.

– Вы все равно меня повесите, – сухо ответил цыган.

– Чем тебя так вдохновил лондонский потрошитель, Тобар? На кой черт венгерскому цыгану в Чехословакии знать об убийствах в Англии пятидесятилетней давности?!

Бихари прищурился и покачал головой.

– Что, черт возьми, ты несешь?

– Как я понял, Джек Потрошитель – твой идейный вдохновитель, да?

Бихари посмотрел на него в полном недоумении.

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

И снова Смолак увидел, что цыгану абсолютно все равно, верят ему или нет. Он вздохнул и вернулся за стол.

– Хорошо, давай поговорим прямо: почему ты убил Марию Леманн, Тобар? Давай покончим с этим быстро. Ты ведь не горишь желанием продолжить неприятное общение с этими молодчиками в полицейской форме? Они далеко не ушли, ждут своей минуты в коридоре. Зачем тебе это? Просто сознайся мне, что ты ее убил, расскажи, почему ты ее убил и почему ты убил всех остальных женщин. Может быть, удастся признать тебя сумасшедшим, и тебя отправят в лечебницу. Это лучше, чем виселица.

Бихари взглянул на Смолака. В его пустых глазах читалось: «Повесьте меня. Я хочу, чтобы вы меня повесили».

– Ты что, правда хочешь, чтобы тебя повесили? – ужаснулся Смолак. – Но почему?

– Потому что я не могу с этим жить. Я хочу освободиться от этого. Я хочу, чтобы наступила тьма, ничто, вместо этих картинок в моей голове, которые возникают снова и снова.

– Понимаю, – кивнул детектив, хотя на самом деле он ничего не понял. – Должно быть, это не просто – творить кошмары своими руками. Послушай, расскажи мне все с самого начала. Может быть, это поможет тебе.

– А что я могу тебе рассказать? Я не убивал ее. Я не убивал эту женщину, и вообще никого не убивал. Убийство я бы еще смог пережить, – цыган засмеялся, но в этом смехе звучала горечь, – но я не могу жить с тем, что я пережил. Он владеет мной, и я знаю, что он придет за мной однажды. И если это... – Тобар кивнул на стеклянную бусину в руке Смолака, – если это принадлежит ему, то он придет за ней. А так как ты нашел ее, он придет и за тобой тоже.

– Кто, Тобар? Кто придет? О ком ты говоришь?

В этот момент Смолак увидел нечто, чего никогда раньше не видел: Тобар Бихари начал плакать.

– Я видел его. Я видел его, и он видел меня. Он заставил меня смотреть.

– Кто, Тобар? Кто?

– Бэнг. Это был Бэнг. Бэнг убил ее и заставил меня смотреть, что он делает с ее телом.

– Кто такой Бэнг, Тобар? Он из вашей банды? Он твой поделщик? Ты с ним совершил эту кражу со взломом?

Бихари покачал головой.

– Бэнг не человек. Разве это не понятно? Бэнг – так в моем народе называют самого страшного из темных демонов. Бэнг – это цыганское имя дьявола.

Смолак выдержал паузу, ему надо было подумать над тем, что сказал Бихари. «Цыган сошел с ума, – резюмировал он. – Дьявол совершил злодеяние в Прагер Кляйнзейте, но этот дьявол был частью Бихари, и ему не хватает сил признать, что это он сам». Про себя он разразился проклятиями: убийц-сумасшедших обрабатывать сложнее всего. Придется подготовить огромное количество документов: психиатрические заключения, противоречивые мнения экспертов о вменяемости, бумаги по статистическому учету...

Было бы гораздо проще, если бы ему удалось выбить чистосердечное признание.

– Ты говоришь, что видел, как кто-то убил Марию Леманн? – Смолак положив маленькую стеклянную бусину на стол перед собой. – То есть ты был там, но ты не убивал ее? Просто сидел и смотрел, как некто убивает и расчленяет женщину?

Тобар Бихари, накрепко привязанный к своему стулу, во все глаза уставился на Смолака, его зрачки расширились от ужаса. Казалось, он видел кого-то еще, и этот кто-то делает ему знаки.

– Это был Бэнг! – закричал он. – Я видел, как Бэнг проделывал все это с ней! Это был Бэнг, он заставил меня смотреть! – Тело его сотрясала дрожь.

Смолак знал, что Тобар Бихари не врет.

– Хорошо, Тобар, – тихо сказал он. – Почему бы тебе не рассказать мне всю историю с самого начала? Чистую правду, все, что ты делал и видел. Начни с самого начала и ничего не пропусти.

12

Профессор Романек был в своем репертуаре: каждому пациенту он дал прозвище, которое использовал для заголовка истории болезни. Первой из «дьявольской шестерки», с кем предстояло познакомиться Виктору, стала Вегетарианка.

Комната, в которой обитала Хедвика Валентова, была именно такой, как описывал ее Платнер: она больше напоминала гостиничный номер, чем больничную палату. На стенах в гостиной висели спокойные пейзажи; удобное кресло, диван и журнальный столик. Виктор обратил внимание на бюро у окна: красивая вещица, но ни бумаги, ни письменных принадлежностей он не заметил. На окне – крепкие решетки, но вид открывался умиротворяющий: среди деревьев вдали просматривалась типичная для среднечешской равнины деревня. Спальня была в другой комнате, и, конечно же, имелась ванная.

Присмотревшись внимательнее, Виктор заметил, что картины были приклеены к стенам, а не висели на них, а каждый предмет мебели накрепко привинчен болтами к полу. Даже оконное стекло было усилено мелкой стальной сеткой, чтобы не разбилось вдребезги при ударе. Ни малейшего шанса сделать орудие для того, чтобы нанести увечья персоналу.

В этом интерьере обитательница палаты выглядела более чем странно. Внешне безумие может никак не проявлять себя, и не существует такого понятия, как «типичный сумасшедший». Но Виктор был поражен, насколько Хедвика Валентова не производила впечатление умалишенной.

Очень худая скромная женщина лет сорока на вид. Встретив такую на улице, вы не обратите на нее внимания. В безупречно выглаженной юбке и блузке, в трикотажном кардигане, она напоминала школьную учительницу. У нее были впалые щеки и уставшие глаза. Виктор знал, что она вегетарианка – об этом сказал профессор Романек, добавив, что специфическое отношение госпожи Валентовой к еде доставляет много хлопот персоналу клиники.

Хедвика Валентова сидела с прямой спиной на самом краю дивана. В этой нелепой позе она напоминала птицу. Она мельком взглянула на вошедших, затем опустила глаза и уставилась в пол, ее руки нервно ерзали на коленях. Невозможно было поверить, что эта ничем не примечательная хрупкая женщина – одна из «дьявольской шестерки».

Профессор Романек представил Виктора и объяснил, что с этого момента он будет лечащим врачом госпожи.

– А что случилось с доктором Славомиром? – спросила она тихим-тихим голосом.

– Доктор Славомир больше не работает у нас, – объяснил Романек. – Возможно, вы вспомните об этом. О вас позаботится доктор Косарек. Уверяю вас, он один из самых ярких молодых врачей Чехословакии.

– Я с нетерпением жду момента, когда мы с вами начнем курс лечения, – Виктор решил, что настало его время вступить в разговор. – Я разработал метод, который поможет разобраться в ваших проблемах, – продолжил он и коротко объяснил суть своей гипнотической терапии на основе седативных средств. Когда он закончил, госпожа Валентова все так же сидела, уставившись в пол. Вдруг она взглянула на Романека, и на ее шее и щеках вспыхнули пятна румянца.

– Мне бы хотелось пожаловаться, – сказала она, еще больше покраснев. Казалось, что она стесняется, но промолчать было выше ее сил.

– Вас не устраивает лечение, которое предложил доктор Косарек? – спросил Романек.

– Меня это не волнует, – ответила женщина, снова опуская глаза. – Я не нуждаюсь в лечении, я прекрасно себя чувствую. Единственное, что меня беспокоит, это дурное настроение, связанное с тем, что меня кормят ядами из плоти. Если бы меня кормили должным образом или если бы я могла сама готовить для себя, мое настроение улучшилось бы. Вас ведь беспокоит мое настроение, не так ли?

– Как же так, госпожа Валентова? – раздраженно переспросил Романек. – Мы делаем все возможное, чтобы ваш рацион был самым лучшим...

– Жир, – перебила она профессора.

– Что, простите?

– Нет смысла держать меня на вегетарианской диете, если овощи готовят на животном жире. Это отвратительно. Сегодня мне пришлось дважды опустошить желудок, чтобы избавиться от него.

– Я распоряжусь, чтобы это исправили, – сказал Романек, совладав с раздражением. Он встал. – Ну, я должен представить доктора Косарека другим его пациентам.

– С нетерпением жду следующей беседы с вами, – вежливо поклонился Виктор.

Госпожа Валентова проигнорировала его.

– Боюсь, вы не сможете работать с этой пациенткой, – сказал Романек, стоило им выйти из палаты.

Им вернули личные вещи – ручки, карандаши, монеты и другие мелкие предметы, которые они положили на металлические подносы перед тем, как зайти в палату к Валентовой.

– Это действительно необходимо? – спросил Виктор. – Мне нужно каждый раз сдавать все, чтобы зайти к ней? На вид она не представляет особой угрозы.

Профессор Романек повернулся к Виктору. Лицо его было непривычно суровым.

– Боюсь, мой дорогой доктор Косарек, вы рискуете сделать тот же неверный вывод, что и ваш предшественник. Никогда не входите в эту палату с чем-либо, что можно использовать в качестве оружия.

– Так это она ударила Славомира карандашом?

Романек кивнул.

– Ей показалось, что он похотливо посмотрел на нее. «С плотским желанием», как она выразилась. Взгляд молодого врача оскорбил ее, поэтому она так поступила.

– Глаз не восстановить?

– Боюсь, что нет. К тому времени, как санитары прибежали на крики доктора Славомира, наша вегетарианка, госпожа Валентова, уже проглотила его.

– У меня возникла идея. – Тобар Бихари сделал паузу, затем его глаза загорелись осознанием. – Нет, не так все было! Я вспомнил – мне подкинули эту идею. Шикарный способ разжиться деньгами с минимальными рисками. Теперь-то я понимаю, это был он! Мне до сих пор не приходило это в голову – и правда, это именно Бэнг подкинул мне эту идею! В ту ночь он вышел из тени и вложил эти мысли в мою бедную голову! О боже, это был он все это время!

– Успокойся, Тобар. Сделай глубокий вдох, – сказал Смолак, надо было остановить этот бред. – Какая идея? И чья это была идея?

Бихари потребовалось время, чтобы успокоиться, но все равно чувствовалось, как страх электрическими искрами пронизывает все тело этого маленького человечка.

– Ну, я был в одной пивной во Вршовице, в местечке для скопчаков[11 - Skorсaci (словак.) – немцы, немчура.] – для немцев, ну знаете? Хозяин выставил меня на улицу, как только заподозрил, что я цыган. Он сказал, что не хочет, чтобы в его заведении ошивались такие подонки, как я. Он там большая шишка, и его окружали здоровые такие молодчики, которым только скажи «фас». Ну, я и ушел, а когда оказался на улице, какой-то парень появился прямо из тени. Я готов был уже врезать ему, но он вдруг начал говорить, что, мол, слышал, что произошло, и что я не должен позволять этой немчуре разговаривать со мной так. Что я должен проучить их как следует. Я вот теперь думаю, а чего этот парень сидел в немецкой пивной, если так ненавидит скопчаков? Короче, он сказал, что видел, как меня выгнали, и вышел за мной, потому что ему показалось, что он меня знает, но никак не может вспомнить, откуда. Мы разговорились, и он просек, чем я занимаюсь. Сказал, что у него на примете есть кое-что с большим кушем. Намекнул, что он тоже при делах. Но вообще-то он не был похож ни на карманника, ни на сутенера, и вряд ли я когда-либо его встречал.

– Как он выглядел?

– Он был высокого роста, это все, что я могу сказать наверняка. Одет в длинное черное пальто, которое выглядело слишком большим для него. На улице было темно, да и шляпа у него сползла на глаза, поэтому лица я особо не разглядел.

Но мне показалось, что ему стоило бы принять ванну и побриться. Одет он был хорошо, но выглядел так, будто спал не раздеваясь.

– Он назвал свое имя?

– Может быть... – Бихари нахмурился. – Не могу вспомнить. О боже, о боже, это был он, это был Бэнг... Я должен был понять это, как он только явился из тени.

– Сохраняй спокойствие, Тобар. Повтори мне, что он сказал.

– Он сказал, что понял обо мне все. Что я кретин, если рискую ради небольшой прибыли. «Неважно, насколько ты хорош в своем деле, – сказал он. – Тебе повезет пару раз за день, но потом тебя все равно схватит полиция». Еще он сказал, что лучше работать в толпе – быстрее можно испариться и наметить следующую цель. А потом он и подкинул эту идею. Сказал, что если я набил руку на карманных кражах, то пора уж переходить на квартиры. «Вот если бы я был таким же искусным карманником, я бы насквозь видел, где и что у кого лежит», – сказал он. Его гениальная идея заключалась в том, чтобы не тырить кошельки и ценности. Вместо этого нужно вытаскивать ключи. Если у вас вдруг пропали ключи, но кошелек и ценные вещи на месте, вам и в голову не придет, что вас ограбили. Люди считают, что любой вор вытащит деньги, но не ключи. «Нет, – подумает обыватель, – меня никто не грабил, я просто потерял ключи».

– Ну, так думают, пока квартиру не ограбят, – кивнул Смолак.

– Наверное, так и думают. Короче, он сказал, что, завладев ключами, нужно незаметно проводить жертву до дома, чтобы увидеть, где она живет, подождать до ночи или когда хозяева квартиры уйдут, и потом приступить к делу.

– Значит, ты последовал совету этого совершенно незнакомого тебе человека? – уточнил Смолак. Он не верил ни единому слову, но его беспокоило, что Бихари, как казалось, искренне был убежден в правдивости того, что говорит.

Бихари кивнул.

– Я решил побродить по Малостранской площади в торговый день, когда на рынке полно богатых немцев.

– Твоей целью были чешские немцы? Почему? Ты что-то имеешь против них?

– Нет... – Бихари медленно покачал темной головой. – Нет, мне, в общем-то, все равно. Просто-напросто они богаче, по крайней мере, большинство из них. У них есть чем поживиться. Во всяком случае, когда на площади разворачивается рынок, там всегда толпа. Люди снуют, натываются друг на друга – просто идеальные условия для карманника. В базарные дни я терся среди покупателей и даже прикупал кое-что, и все время искал подходящую дамочку, ну, понятно, побогаче на вид. А выбрав, подходил поближе и вытаскивал ключи. Затем ждал, когда она покинет рынок, и шел за ней к дому. Дожидался, когда хозяйка уснет, открывал двери и начинал работать. Так я обокрал не менее полдюжины квартир. И каждый раз удачно. Все было проще простого.

– И точно так же ты оказался в квартире Марии Леманн?

– Я увидел ее на рынке в Мала-Страна. По тому, как она была одета, было понятно: у нее есть что прибрать к рукам. Кольца на руке у нее не было, и я решил, что она живет одна. Дамочка зашла в овощную лавку, и, пока она выбирала товар получше, ее сумочка была открытой, так что мне ничего не стоило незаметно вытащить ключи. Там было еще что прихватить, но я взял только ключи. Затем походил за ней по рынку, а когда она привела меня к своему дому, я понял, что не прогадал, – на улице Снемовни живут обеспеченные люди.

Я следил за ней, посмеиваясь про себя, пока она искала ключи, чтобы зайти. Она даже огляделась, чтобы проверить, не обронила ли их неподалеку. В конце концов она нажала на звонок, и ее впустил сторож. Все это время я стоял вне поля ее зрения, на другой стороне улицы, и осторожно наблюдал.

Ну ладно, она смогла зайти в подъезд, но было еще кое-что: ключа от квартиры у нее тоже не было. Был еще вопрос, вызовет ли она слесаря. Если б позвала, мне бы пришлось сдать: от раздобытого ключа никакого толку, коль замок сменят. Но я рассчитывал на то, что у сторожа всегда есть запасные ключи от всех квартир. Я ждал час, потом другой. И приз стоил ожидания.

– Приз? – прервал Смолак. – Ты имеешь в виду эту женщину? Она была твоим призом?

– Женщина? – Бихари нахмурился и, казалось, смутился. – Мне она была совсем не интересна. Это не по моей части, но могу точно сказать, что дамочка эта была богатой немецкой сукой, и меня интересовали ее вещички, но не она сама.

– Если так, то почему ты ничего не украл? За исключением, может быть, вещицы, связанной вот с этим... – Он указал на маленькую стеклянную бусину на столе.

– Я же сказал, я эту бусину никогда раньше не видел. И я ничего не взял из квартиры, потому что там был он.

– Ты имеешь в виду Бэнга? Твоего цыганского дьявола?

– Можешь думать что хочешь, но он был Бэнгом, и он – дьявол. Ни в одном человеке не уместится столько зла. Ни один человек не проделает такое с другим человеком. Ты полагаешь, что я сошел с ума, или что я все это придумал на ходу, но это правда. Правда, твою ж мать. И я теперь понял, что это он, дьявол, был той ночью возле пивной во Вршовице. Он выбрал меня.

– Давай рассказывай дальше. Расскажи мне все, что ты помнишь.

– Я ждал до двенадцати, может быть, даже до часу ночи. Прошло полчаса с того момента, как все огни в доме погасли, и я решил – пора. На мое счастье, дамочка подходила к окну, и я точно знал, куда мне идти. Квартирка у нее оказалась двухуровневая. Обычно все самое ценное хранят в спальне, но я начал с комнат внизу – рискованно входить в спальню, где кто-то спит. Я рассчитывал, что и так хорошо поживлюсь, не слишком рискуя. Понимаете, секрет не в том, чтобы унести все, а в том, чтобы уцелеть, – жадность многих сгубила.

Я принес с собой небольшой чемоданчик. Я всегда беру его с собой на дело. В него не так много влезает, но по мне – в самый раз. Представь, как бы это выглядело со стороны: посреди ночи фраерок тащит по улице огромный неподъемный чемодан... Да вся пражская полиция слетится, как мухи на дерьмо. Короче, к делу нужно подходить, как к сбору фруктов: даже если все плоды хороши, выбирай самые лучшие. Но было еще кое-что. Мне хотелось побыстрее выбраться оттуда. Как только я зашел в эту квартирку, у меня появилось очень плохое предчувствие.

– Что за предчувствие?

– Что там был еще кто-то. Я кожей чувствовал. Как ты понимаешь, работаю я в темноте, при мне только слабый фонарик, и нервы, бывает, подшучивают над тобой: тени, тени... кажется, что кто-то затаился в углу, и сердце прыгает в пятки. Но там... не знаю, тени по правде двигались, и у меня было такое чувство, будто за мной кто-то наблюдает, аж мурашки побежали.

Однако ж надо было шевелиться. В гостиной я открыл бюро и понял, что выиграл джек-пот. Наличные. Никакие чертовы скупщики краденого не нужны, если повезет наткнуться на такую кучу налички. Там была толстая пачка сотенных купюр, пять сотен одной бумажкой и даже несколько банкнот в тысячу крон. Как только я их увидел, то понял, что мне больше не нужно ничего брать. Это был мой лучший улов за всю жизнь.

– Но наличные лежали в бюро, когда тело было найдено. Почему ты не взял их?

Стоило Смолаку задать этот вопрос, как по всему тщедушному телу цыгана снова пробежал электрический разряд дикого страха. Страх был настолько силен и заразителен, что у детектива поднялись волоски на руках.

– Мне показалось, что одна из теней шевельнулась, и я очень быстро обернулся. Он был там. Он просто стоял там, в темноте, как будто он и есть тень, и следил за мной.

– Опиши его мне.

– Это был Бэнг. – Бихари снова начало трясти. – Как можно описать дьявола?

14

Лукаш Смолак встал, вынул сигарету из пачки и дал прикурить цыгану. Тобар жадно затянулся табачным дымом. Поскольку цыган был привязан к стулу и не мог держать сигарету, процесс курения требовал от него некоторой концентрации: пришлось откидывать голову назад, чтобы дым не попадал в глаза. Это возымело тот эффект, которого добивался Смолак: Бихари расслабился и отвлекся от своих страхов.

Докурив, цыган кивнул детективу, чтобы тот забрал окурок; тело еще потряхивало, но уже не так сильно.

– Послушай, Тобар, – продолжил Смолак, присаживаясь на край стола. – Я не знаю, кого ты видел на самом деле, но это точно не дьявол. Если в квартире действительно кто-то был, лучший способ спасти свою шею от веревки – описать его.

Бихари кивнул.

– Он был высокого роста. Я не мог разглядеть его одежду, потому что на нем был кожаный фартук и кожаные рукавицы до локтя. Фартук и рукавицы в пятнах, некоторые пятна были темнее других. Одни – черно-коричневые, другие – красно-коричневые. Было видно, что это пятна крови, въевшейся в кожу. Я чувствовал его запах: от него пахло засохшей кровью и смертью.

– Его лицо, Тобар. Опиши его лицо.

Цыгана вновь затрясло. На этот раз еще сильнее. По смуглой щеке пробежала слеза. Голос его превратился в жуткий шепот:

– Его лицо... Его лицо было лицом дьявола. Господи, помоги мне! Боже милостивый, помоги мне!

– Как он выглядел? – настойчиво повторил Смолак.

– Я же сказал! Это было лицо дьявола. Вытянутое темно-серое лицо с кошмарной усмешкой. Острые зубы, черные рога. Совсем как маски, которые немцы носят в ночь перед Рождеством.

– Перхтенмаскен?[12 - Perchtenmasken (нем.) – имеются в виду ряженые из Тироля. В средневековой Германии ватаги молодых людей с зачерненными лицами или в безобразных рогатых масках ходили по улицам в канун Самайна – праздника окончания урожая, изображая духов из свиты Перхты-Хольды, мчащейся по воздуху во время Дикой охоты.]

– Да, они, – подтвердил Бихари. – Как Крампус[13 - Krampus (нем., чешск.) – легендарная фигура в фольклоре Альпийского региона, спутник и одновременно антипод Николая Чудотворца; также название обходного обряда в ночь с 5 на 6 декабря.].

– Так он был в маске?

– В маске? – Бихари нахмурился. – Не знаю, может быть, это была и маска. Но я думаю, что это было его лицо.

– И что же случилось потом?

– Я замер, окаменел от страха. Попытался закричать, но ничего не вышло. Хотел убежать, но не смог даже шелохнуться. Он подошел ближе. Вышел из тени, но это было так, будто он сам и есть тень, и эта тень надвинулась на меня. Из-под фартука он вытащил нож, большой длинный нож, похожий на тот, который используют для разделки туш. Потом он схватил меня за горло. У него были длинные, очень тонкие и очень холодные пальцы, как будто это просто кости, без живой плоти. Он сжимал мое горло так крепко, что я начал задыхаться. Все же мне удалось в какой-то момент глотнуть немного воздуха: пахло давно запекшейся кровью, смертью – запах исходил от его кожаных перчаток и фартука. Он заглянул мне в глаза. Его взгляд пронизывал насквозь: он видел всего меня, мою суть. – Бихари остановился, пытаюсь собраться с силами, руки его тряслись. – Острие ножа он воткнул мне в щеку, чуть пониже глаза. Я почувствовал, что кровь стекает к подбородку, как слезы. Он сказал, что был бы не прочь забрать мои глаза на память... Сказал, что у него уже неплохая коллекция глаз.

– Что случилось потом?

– Он отпустил меня и сказал, что сохранит мне глаза, чтобы я увидел нечто особенное, то, что запомню навсегда. Что я должен стать свидетелем чего-то важного... Что есть важное дело, за ходом которого я должен наблюдать. Мы пошли к спальне, туда, где была та женщина.

– Так ты просто пошел с ним?

– Вы не понимаете.

- Возможно, Тобар, возможно, не понимаю. Расскажи, что произошло потом.
- Вы и так знаете, вы видели, что он сделал с этой женщиной. - Голова цыгана безвольно повисла, плечи его сотрясались, он рыдал как дитя.
- Значит, ты утверждаешь, что убийца - не ты, а человек в маске дьявола? - уточнил Смолак. - Но при этом ты признаешь, что украл ключи у Марии Леманн, чтобы проникнуть в ее квартиру. Но, видишь ли, у нас нет никаких доказательств того, что кто-то еще находился в квартире, - мы нашли только твои «пальчики», никаких других там не обнаружено.
- Перчатки. Он заставил меня снять перчатки. Он заставил меня прикасаться к вещам в квартире. Он заставил меня встать у кровати и прикасаться к ней...
- Женщина, Мария Леманн, она была жива в этот момент?
- Она спала...
- Продолжай, Тобар.
- Бэнг наклонился ко мне и начал шептать на ухо всякие гадости. Он сказал, что она фотце[14 - Fotze (нем.) - на жаргоне - сука, женский половой орган.]. Это немецкое слово. Плохое слово. Знаешь, что оно значит?
- Да, - кивнул Смолак.
- Он сказал, что она фотце и заслуживает всего, что с ней произойдет. Он описал мне, что собирается с ней сотворить, и я все это должен был увидеть. Он сказал, что мне предстоит узнать, каково это - захватить живую душу, - так он выразился, - предстоит наблюдать за тем, как потухает жизнь в глазах. Почувствовать запах, вкус, ощутить, каково это - разрезать тело и вытащить из него всё.
- Почему он так с ней? Он объяснил тебе?
- Он сказал, что она будет служить ему после смерти.

– Что это значит?

– Он сказал: «Так как никто не живет вечно, никто и не умирает навечно. Все повторяется снова и снова». Но он еще сказал, что есть место после смерти – место между жизнями. И там переступившие черту проводят очень много времени. В этом месте он собирает рабов – души, которые будут ему служить.

– И ты ничего не сделал, чтобы остановить его?

Плечи Бихари еще сильнее затряслись от захлестнувших его рыданий.

– Я пытался, вы должны мне поверить, пытался. Я снова и снова умолял его не делать этого. «Хорошо, – сказал он, – ты можешь спасти ее. Она проснется и будет жить своей жизнью. Но ты умрешь вместо нее». Он сказал, что убьет меня быстро и не станет ничего делать с моим телом. «Твоя жизнь была бесполезной, – сказал он, – но я могу придать ей смысл, если ты спасешь эту женщину».

– Но ты ее не спас.

Рыдания вновь охватили цыгана:

– Я не смог. Я испугался. Я не хотел умирать. И он заставил меня смотреть. Он сказал, что ценность моей жизни теперь будет заключаться в том, что мне посчастливилось увидеть, как он работает.

– Тобар, ты бы мог остановить его. Или, по крайней мере, попытаться. Ты мог попробовать сбежать или поднять тревогу.

– Я не мог, вы не понимаете. Я был беспомощен. У него была... власть, безграничная власть надо мной, меня как будто парализовало. Он заставил меня смотреть. Сказал, что это единственная причина, по которой он решил оставить мои глаза в целости: чтобы я мог быть свидетелем. Сказал, что если я отведу взгляд или закрою глаза, он отрежет мне веки.

– И ты смотрел?

– Он заставил меня смотреть! – У Бихари началась истерика. – Господи, помоги мне, Бэнг заставил меня смотреть! Дьявол заставил меня увидеть!

15

Виктор знал, что безумие подчас приобретает самые причудливые формы. Великая печаль... Если разум повреждается, если мы получаем травму, подсознание поспешно перебрасывает мостик к спасению; затем этот мостик превращается в надежную опору, а лучше сказать – в защитную стену. Такие стены можно обнаружить у каждого, без них мы не могли бы справиться с эмоциональными потрясениями.

Но бывает и так, что опоры рушатся, и это приводит к чудовищному уродству личности. Защита не срабатывает, и взгляд на мир в целом меняется.

Метафора с опорами была применима ко всем пациентам Орлиного замка. Каждый из «дьявольской шестерки» взрастил свое безумие вокруг какой-то травмы в далеком прошлом. Обрушение опор для них стало фатальным.

У каждого из пациентов было прозвище. После встречи с Вегетарианкой, госпожой Валентовой, Романек познакомил Виктора с остальными пациентами.

Под прозвищем Дровосек скрывался Павел Зелены из Чешской Силезии, который был лесником по профессии. Он совершал свои злодеяния с помощью своего рабочего инструмента – топора. Виктора предупредили, что Зелены склонен к непредсказуемым вспышкам агрессии, поэтому при посещении его палаты их сопровождали два санитары.

Следующий пациент, Леош Младек, по прозвищу Клоун, был маленьким человечком, более похожим на ребенка. Он казался мягким и безобидным, а в прошлом был успешным артистом цирка, много путешествовал по Чехословакии, Венгрии, Австрии, Южной Германии и Польше.

Четвертый из «дьявольской шестерки» носил прозвище Ученый – профессор Доминик Бартош, автор принципиальных новаторских разработок в области квантовой физики. Его могучий интеллект затерялся в лабиринте абстрактных идей, что привело к непоколебимому заблуждению: Бартош считал, что он

может общаться с мертвыми.

Коллекционером Стекла называли Михала Мачачека, маньяка, известнейшего специалиста по богемскому стеклу, фаната своего дела.

Знакомство с каждым из них было кратким, пациенты соглашались с тем, что у них будет новый доктор, но сотрудничать не спешили.

Последняя встреча, однако, потребовала наивысших мер предосторожности.

Войтич Скала был шестым. Его называли Демон.

Скалу поместили в особый «люкс для пациента номер шесть», самую дальнюю палату за усиленной дверью.

– Изначально его содержали в изоляторе, – объяснил Романек. – Он страдает самой заразной формой безумия, и мы держим его как можно дальше от других.

Из личного дела Виктор знал, что Войтич Скала был человеком, обладавшим такой же несокрушимой верой, как у самого преданного служителя Церкви. Но вера Скалы заключалась в том, что он поклонялся силе чистого зла. Он был убежден, что зло – движитель всего во Вселенной, и воплощал в жизнь свои фантазии с предельной жестокостью.

Из всей «шестерки» именно Скала был подвержен самому глубокому и мрачному психозу. И именно по этой причине он представлял для Виктора особый интерес: с его помощью молодой доктор надеялся постичь то, к чему стремился в изучении бессознательного.

Аспект Дьявола.

– Вы уверены, что готовы? – спросил профессор Романек в коридоре перед дверью палаты.

– Да.

Казалось, Романек был недоволен стремлением коллеги ответить поскорее. Он по-отечески положил руку на его плечо.

– Скала не гений, но у него есть уникальные способности проникать в сознание других. И изгнать его оттуда не представляется возможным. Из всех преступников, заключенных у нас, – давайте уж без обиняков, – Скала является самым опасным. Поэтому спрошу еще раз: вы готовы к этому?

– Да, профессор Романек, я готов.

Это было совершенно не профессионально, поэтому Виктор корил себя за то чувство, которое испытывал. Как психиатр, он прекрасно понимал, что такого понятия, как «зло», не существует. За свою непродолжительную карьеру ему доводилось работать с извращенными и жестокими умами, но зло все равно оставалось социальной, но никак не медицинской концепцией, к тому же безнадежно устаревшей. Тем не менее, когда он столкнулся лицом к лицу с Войтичем Скалой, у него появилось неотступное ощущение, что в воздухе растворено подлинное вселенское зло.

Скалу надежно привязали перед их визитом. Огромный мужчина с буйной и темной, как у Виктора, шевелюрой. Грубо высеченные черты лица. Из-под тяжелых бровей зловещим блеском сверкали маленькие жестокие глазки.

Кресло, к которому был привязан Скала, в стенах старинного замка выглядело средневековым устройством для пыток. Оно было вырезано из массива дуба и оснащено стальными лентами и кожаными ремнями. Маленькие колесики с резиновыми покрышками под каждой ножкой позволяли бесшумно катать кресло по каменным плитам. Ноги пациента были зафиксированы на специальной подножке. Широкая стальная лента, скрепленная при помощи специального болта, охватывала грудь. Эта конструкция вызывала отдаленные ассоциации с рыцарскими доспехами. Запястья мужчины удерживали на подлокотниках стальные манжеты. Надежное переплетение прочных кожаных ремней связывало плечи, а голову удерживало специальное устройство из мягкого материала – все это не позволяло пациенту даже шелохнуться.

Романек представил Виктора и попросил его крат ко объяснить «мистеру Скале» основные методы лечения, которое он намерен использовать. Скала слушал молча, не сводя злобного взгляда с молодого доктора.

– У вас есть ко мне какие-то вопросы? – спросил Виктор, завершив свой рассказ.

– Вы знаете, чем я прославился? – голос Скалы был тихим и визгливым. Он так резко контрастировал с его физическими данными, что это внушало еще больший страх перед ним.

– Я знаком со всеми деталями вашего дела, Войтич.

– Вы думаете, я сошел с ума, и поэтому совершил все это?

– Я думаю, в вашей психике есть повреждения. А какие именно, я и хочу разобраться.

– Так вот, я насиловал, уродовал, пытал и ел людей. Мужчин, женщин, детей и младенцев. Животные тоже представляли для меня интерес. Я исследовал страх и боль каждого вида живых существ. Я срезал лица людей и надевал на себя, как маски, чтобы их глазами видеть то, что видели они, а они, в свою очередь, видели бы то, что видел я. Я демонстрировал им истинную, наичистейшую природу зла. – Скала злорадно ухмыльнулся. – И это, доктор Косарек, вы описываете как «повреждения»?!

– А как бы вы это назвали?

– Моя сила. Моя религия. Моя вера во всемогущее зло.

– Что бы вы ни думали, – ответил Виктор, – это не что иное, как психоз. Я хочу докопаться до его сути и помочь вам победить болезнь. Я с нетерпением жду, когда мы с вами начнем работать.

Грузное тело Скалы застыло в кресле, на лице застыла маска презрения и ненависти.

– Вы очень красивый мужчина, доктор Косарек, – сказал он вслед уходящим докторам. Виктор ничего не ответил.

– Я уверен, вам не все обо мне рассказали, – продолжал говорить Скала. – Вы всегда должны оставаться начеку. Я тоже с нетерпением жду совместной

работы с вами, доктор Косарек, потому что при первой же возможности я срежу красивое лицо с вашего черепа и, пока вы еще живы, примерю его как маску. Тогда все скажут, что я красавец. – Он засмеялся. – Это будет нечто!

16

– Позвольте дать вам совет, – сказал профессор Романек, выходя с Виктором из отделения для пациентов. – Было бы неплохо, если бы вы проводили свободное время за стенами замка. Прогулки по окрестностям принесут вам удовольствие, в деревне есть уютная гостиница, а Прага находится достаточно близко, так что можно уезжать на выходные.

– Я еще не думал о свободном времени.

– Так задумайтесь. В лечебных учреждениях нашего профиля можно обнаружить практически весь спектр психических заболеваний. Так вот... – профессор пытался подобрать слова, – наблюдаемые у нас пациенты поражены болезнью в крайней стадии: их безумие достигло своего апогея. Вы обнаружите, что некоторые из них обладают недюжинными интеллектуальными способностями, они способны рационализировать иррациональное. Они без труда могут убедить вас, что это у вас, а не у них искаженное видение реальности, а они же, напротив, наделены способностями особого понимания истины. Более того, они способны заразить своими иллюзиями. Поверьте мне, это хорошая идея – отвлекаться от происходящего здесь и регулярно восстанавливать связь с реальным миром и здоровыми умами.

– Уверен, что моих знаний достаточно...

– Я говорю это, опираясь на личный опыт, – не ожиданно резко прервал его Романек. – Много лет назад я позволил одному пациенту воздействовать на меня. Я слишком много времени проводил с ним и не заметил, как через некоторое время стал терять голову. Я начал сомневаться в истинности существующего порядка вещей.

– Что же случилось?

– Меня отстранили на несколько недель. На расстоянии силы его воздействия иссякли, и я понял, что расстройство моего пациента было более сложным, а бредовые идеи настолько убедительными, что даже мне не удалось сохранить рассудок.

– Этот пациент здесь? – поинтересовался Виктор.

На лицо доктора Романека легла тень.

– Нет, не здесь. Он давно умер. Туберкулез. В любом случае, эта история поучительна: внимательно изучайте сети, которые ткут здесь пациенты, но не подходите так близко, чтобы попасться в них. Найдите время, чтобы насладиться жизнью среди здравомыслящих. Вы влюблены в кого-нибудь?

– Нет. Была одна девушка, но... – Виктор не смог договорить.

– Так найдите себе другую. – Романек улыбнулся, привычное, по-доброму шутливое расположение духа вернулось к нему. Он похлопал Виктора по спине. – Наслаждайтесь жизнью.

Рабочий кабинет Виктора располагался в административном крыле замка. В кабинете, как, впрочем, и во всей этой части замка, интерьер был сохранен в своем первозданном виде, не считая, конечно, электропроводки и громоздких труб отопления, проложенных вдоль каменных стен. В просторной комнате было два высоких окна с каменными подоконниками шириной в полметра. Из жилых комнат замка открывался приятный вид на лес, извилистую дорогу к деревне и лоскутное одеяло возделанных полей, окна же рабочих кабинетов смотрели на уродливую черную скалу, которая своим видом напоминала горб, выросший на спине замка. Стоя у окна, Виктор вспомнил рассказ археолога Педерсена о сети пещер в этих скалах. Перед глазами предстала картина: темные, влажные коридоры среди мертвенно-холодного камня, наполненные спертым воздухом замогилья.

– Я принесла вам кое-что.

Виктор обернулся и увидел на пороге Юдиту Блохову с коробкой, заполненной канцелярскими мелочами.

– Извините, не хотела вас напугать, – сказала она и улыбнулась, как показалось Виктору, вполне приветливо. – У нас тут особо нечем любоваться, – кивнула она на окно.

– Да, вы правы. В другом крыле вид получше. Но, полагаю, при строительстве думали о безопасности, а не об эстетике. – Он взял у нее коробку и поставил на стол. – Спасибо. Должен признаться, не ожидал, что кабинет будет таким большим.

– Чувствуйте себя как дома, – снова улыбнулась она. – В вас есть... – Юдита на мгновение задумалась, – порода, простите уж за прямоту. Если вам понадобится моя помощь, обязательно скажите. Мы с вами еще должны сходить на склад, чтобы выбрать записывающее оборудование и все прочее, что вам понадобится для работы с пациентами.

– Спасибо, мисс Блохова.

Она и не думала уходить.

– Позвольте поинтересоваться, как вы оказались здесь, доктор Косарек?

– Профессор Романек прочитал статью, в которой я выдвинул мою теорию. Я называю ее «аспект дьявола». Он пригласил меня на собеседование. Когда я приехал, собеседование свелось к тому, что мы два часа проговорили о моей теории.

– Я что-то слышала об этом, – сказала Юдита. – Так вы верите в существование дьявола? – Ее тон не был ни насмешливым, ни серьезным, и это застало Виктора врасплох.

– Да, это факт. Я верю в дьявола и в то, что он несет ответственность за все зло в обществе, за безумие и склонность к насилию у некоторых людей. Но дьявол, в которого я верю, отнюдь не сверхъестественное существо: он – внутреннее явление, присущее каждому человеку, и наиболее ярко это явление раскрывается в крайних степенях безумия. А поскольку дьявол прячется в темных глубинах подсознания, его присутствие часто отрицают. Вот почему так много пациентов с психическими расстройствами не могут вспомнить, как совершали насильственные действия. – Виктор обвел взглядом кабинет. – И

именно поэтому я здесь. Я верю, что смогу обнаружить, где скрывается дьявол, и что есть способ добраться до него и обезвредить.

– Так вы считаете, что этот аспект дьявола есть у каждого?

– Да. Как и Юнг, я считаю, что большинство наших суеверий происходит из общих архетипов. В подсознании каждого есть темная сторона, скрытая от нас самих. Эту сторону мы стремимся отрицать, но именно в ней зарождаются все наши страхи и ночные кошмары, и именно она отвечает за изменения в нашем поведении. Архетипы формируются через мифы и легенды, которые мы передаем из уст в уста. Миф о дьяволе – один из самых распространенных. Дьявол не существо – он просто одна из универсальных архетипических моделей. Дьявол скрывается во всех нас.

– И вы собираетесь отправиться на охоту на него в сознание убийц, вооружившись гипнотерапией и лекарствами?

– Я убежден, что смогу достичь дьявола посредством лекарственного синтеза, да. Использование седативных средств означает, что я могу на время подавить эго и проникнуть глубоко в бессознательное, в его теневую часть. Оказавшись там, я попробую направить пациента на противостояние внутреннему дьяволу. Дьявола можно обезвредить или, по крайней мере, ограничить. Если хотите, это хирургия души.

Во взгляде Юдиты Блоховой читались тревога и сочувствие.

– Может быть, будет лучше, – сказала она наконец, – если бы вы оставили дьявола в покое в его укрытии?

17

– У вас есть минутка? – обратился Смолак к доктору Бартошу. Доктор сидел за столом и курил, маленький и пухлощекий, в мятом, не у лучшего портного сшитом костюме. Смолака поразил контраст: на столе образцовый порядок, а доктор выглядит неопрятно. О нем некому позаботиться?

Склонившийся над бумагами Бартош выпрямился и улыбнулся.

– Минутку, конечно, найду, пора сделать перерыв. Присаживайтесь. Чем могу быть полезен?

Смолак принял предложение присесть, но отказался от сигареты, которую в ту же секунду протянул ему хозяин кабинета.

– Я знаю, доктор, что вы не психиатр по специальности, – продолжил он, – но у меня возник вопрос. Вы ведь знаете, что мы задержали подозреваемого по делу так называемого Кожаного Фартука?

– Да, я в курсе.

– Так вот, он рассказал очень странную историю. Я хотел бы услышать ваше мнение об этом.

Доктор завозился в кресле.

– Так-так, продолжайте, пожалуйста.

Смолак подробно пересказал все, что услышал от Тобара Бихари. О цыганском дьяволе Бэнге, о человеке, появившемся из тени, и о том, что Бихари, по его рассказу, чувствовал себя бессильным, как будто этот Бэнг в кожаном фартуке загипнотизировал его.

– Что бы ни говорил этот Бихари, я не верю, что на месте преступления был еще кто-то.

Когда Смолак замолчал, маленький неопрятный доктор продолжал сидеть и курить. Для него, полицейского врача, курение и размышление были неразрывно связаны.

– Полагаю, что вы, скорее всего, правы, – сказал он в конце концов. – Более того, я уверен, что вы правы. Крайне маловероятно, что убийца, который так ловко избегал ареста в течение нескольких месяцев, вдруг да решил позволить вашему цыгану быть свидетелем убийства, а затем дал ему уйти. Я думаю, что ваш подозреваемый выдумал этого Бэнга, а вся эта история – лишь способ отрицать собственную вину.

– Это я и надеялся услышать, – с облегчением вздохнул Смолак. – Возможно, был кто-то еще, человек, который подсказал ему мысль воровать ключи из сумок, но мне и это кажется крайне маловероятным. – Он задумался. – Вы слышали когда-нибудь о так называемом раздвоении личности, доктор Бартош? Видится мне, что именно с таким случаем мы и имеем сейчас дело.

Бартош пожал плечами.

– Да, я читал об этом, но в таких делах я не эксперт. Не думаю, что смогу чем-нибудь помочь. А в чем дело? Похоже, вы не очень-то рады, что поймали этого человека.

– Дело в том, что если у него раздвоение личности, если он болен, доказать это в суде будет не так-то просто. Присяжные не поймут.

– Но если вы правы, Бихари следует поместить в лечебницу. Я могу призвать на помощь психиатров. Они в таких вещах эксперты.

Смолак кивнул. Пока шел допрос, в нем крепло убеждение, что цыган совершенно безумен. В глазах карманника, мелкого воришки, кроме страха, проглядывало что-то темное и пугающее. Никакого загадочного незнакомца в маске цыганского демона, конечно же, не было, хотя Бихари утверждал обратное. Просто в Бихари обитала еще одна темная личность, которая руководила его поступками.

Разум не может принять и оправдать жуткие преступления и поэтому создает другую личность, несущую ответственность за совершенное зло.

– Спасибо, что уделили ваше драгоценное время, доктор.

– А почему вы обратились с этим вопросом именно ко мне? – вдруг спросил Бартош с подозрением.

– Потому что вы медик, потому что ваша заинтересованность и проницательность всегда приносила пользу в процессе расследований.

– Уж не думаете ли вы, что у меня есть какая-то личная выгода в этом деле?

– Личная заинтересованность... – Смолак вздохнул, осознав, о чем говорил доктор. – Нет, доктор Бартош, если вы имеете в виду, что я пришел к вам из-за того, что произошло с вашим братом, то нет. Нет, я и не думал об этом.

Бартош нахмурился и кивнул.

– Еще раз спасибо, доктор.

Пока Смолак шел обратно в свой кабинет, его не покидала мысль, что личная история доктора Бартоша и правда могла побудить обратиться к нему за советом. Безумный брат доктора был заключен в психиатрическую лечебницу.

Часть вторая

Клоун и Вегетарианка

1

В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВОЙ РАБОЧЕЙ недели Виктор решил сконцентрироваться на изучении историй болезни. У него также была назначена встреча с Юдитой Блоховой, которая, как показалось, была расположена к нему.

Юдита отвела его на склад оборудования. Доктор Платнер говорил, что здесь должна быть палата для пациентов, требующих полной изоляции, но пока ее приспособили для хозяйственных нужд. Помещение в целом было похоже на другие, но все же имелись незначительные отличия. Во всяком случае, вид из окон был лучше: от гобелена полей и лесов Центральной Богемии захватывало дух. Особенно это бросалось в глаза из-за контраста с удручающим видом из окон кабинета Виктора.

Однако несмотря на роскошный вид, в этой палате было что-то, что напрягло Виктора, и он снова почувствовал, как за мок сжимает его в своих каменных объятьях.

– Вы тоже это чувствуете? – Юдита поняла его состояние. – В этой комнате у меня мурашки по коже бегут. Я каждый раз дрожу как осиновый лист, если мне нужно приходить сюда вечером, чтобы что-то взять.

– Странно... Во многих отношениях здесь даже уютнее, чем в других помещениях. Здесь когда-нибудь держали пациентов?

– По замыслу профессора Романека здесь должна быть палата для изоляции пациентов во время приступов. Не мне вам рассказывать, как они вопят, ревут и бьются. У нас везде неплохая звукоизоляция, и все шестеро пациентов находятся на приличном расстоянии друг от друга, но вы знаете, насколько шумными могут быть некоторые больные, не услышать их сложно. – Ее гладкий лоб прорезали морщины. – Мне сложно это понять, но вы наверняка слышали о том, что безумие может распространяться как вирус. В это верит профессор Романек, и он, похоже, очень обеспокоен всем происходящим здесь.

– Вы хотите сказать, что здесь планировалось устроить что-то вроде карантина...

Хотя Виктор не разделял полностью теорию Романека, общие идеи казались ему разумными: «коллективное безумие» ставит под угрозу состояние пациентов и делает их более склонными к припадкам. Надо понимать, что «психический» иммунитет у таких людей ослаблен.

– В моей практике были случаи, когда происходило нечто подобное. Не много, но все же были, – сказал он. – Folie ? deux[15 - Один психоз на двоих (фр.)], в основном. Один случай синдрома Ласега – Фальре – Гризингера[16 - Группа бредовых синдромов, для которых характерна убежденность больного в том, что он подвергается воздействию извне. Чаще всего это бред преследования.], ставший folie en famille[17 - Семейный психоз (фр.)]. Но я думаю, что психозы редко бывают заразными.

– Вот здесь я не соглашусь с вами, – перебила его Юдита, внезапно рассердившись, – Ничего не могу сказать про folie ? deux, но осмотревшись, вижу folie ? plusieurs[18 - Массовый психоз (фр.)] повсеместно. Если хотите увидеть самый настоящий массовый психоз, просто посмотрите на то, что происходит в Германии, – если творящееся и там, да и у нас, не эпидемия безумия, то я не знаю, как еще это назвать. Кажется, наши коллеги, Платнер и Кракл, уже заражены.

– Некоторые считают, что коммунизм является вакциной.

Юдита издала презрительный смешок.

– Разве вакцина, созданная для защиты от вируса, может убивать пациента? О, извините, вы коммунист? Хотя вы выглядите слишком аристократично, чтобы быть коммунистом.

– Нет. Но я социалист. В любое другое время я был бы аполитичен, но никто не может позволить себе быть аполитичным в эти дни. – Он сделал паузу. – И тем не менее, почему это помещение сейчас отдано под склад?

– Вряд ли его когда-нибудь будут использовать для изоляции пациентов. Вы ведь, несомненно, уже имели удовольствие познакомиться с очаровательным мистером Скалой?

– Да, мельком. Демон.

– Он самый. Мистер Скала побывал здесь... Когда его привезли к нам, он часами кричал о том, что приближается время дьявола, будто какой-то безумный проповедник. Твердил и твердил, что вскоре мир превратится в пустыню, а немногих выживших заставят носить знак Зверя. Чушь, как вы понимаете. Если, конечно, Опустошитель не носит усов, как у Чарли Чаплина, а знак Зверя – это не свастика. – Юдита пожала плечами. – На самом деле мистера Скалу и сейчас держат в изоляции, под надежной охраной, но в палате. Ему дают обычные успокоительные, хотя он считается самым опасным пациентом замка. Если вы знаете хоть что-то об остальных, это повод задуматься.

– Он обещал срезать кожу с моего лица и носить ее как маску, – мрачно кивнул Виктор.

– О, наш очаровательный мистер Скала в своем репертуаре.

– А вам доводилось общаться с ним?

Юдита отрицательно покачала головой.

– В моей работе есть одна странная особенность: я знаю все о пациентах, так как заполняю их личные дела, но с ними, надеюсь, никогда не пересекусь. Они слишком опасны для того, чтобы общаться с немедицинским персоналом. А я не медик.

Виктор все отчаяннее порывался спросить Юдиту, что помешало ей завершить обучение на медицинском факультете. Но он не хотел ненароком ее спугнуть, чувствуя, что она становится все более откровенной с ним.

– Тогда у вас должно быть наиболее объективное представление о них, – сказал он. – Объект наблюдения лучше просматривается на расстоянии.

– На расстоянии все их злодеяния кажутся вымыслом. Даже не кошмарами, которые не дают спать по ночам, а просто страшными сказками. Может быть, поэтому мне не нравится приходить сюда, – она еще раз оглядела комнату, – это приближает меня к реальности, я начинаю думать о мистере Скале. Но мы здесь, чтобы вы выбрали все, что вам нужно для работы. Где вы собираетесь проводить сеансы?

– В главной башне есть отремонтированная комната... – начал было Виктор.

– Могу вам сказать, что это единственная комната, в которую можно попасть. По остальным помещениям в этой башне никому еще не удавалось пройти. Как-нибудь я расскажу вам местную легенду, – перебила его Юдита и лукаво улыбнулась.

– Легенду?

– О поклонении дьяволу в Средние века. Длинная история.

– Ах, об этом, – улыбнулся Виктор. – Мне уже довелось немного узнать из истории замка. Буду рад, если вы поможете восполнить пробелы в моих знаниях. Что же до комнаты, профессор сказал, что она идеально подходит для моих целей. Во-первых, башня расположена близко к крылу, в котором размещены пациенты, так что их транспортировку не трудно будет осуществить, соблюдая все меры безопасности. Во-вторых, в комнате есть тревожная кнопка, если мне понадобится помощь в срочном порядке.

– Понятно, – кивнула Юдита. – Смотрите, у нас тут есть звукозаписывающие устройства. – Она показала на три больших ящика, обитых по краям железом. – Это магнитофоны «К1». Я распоряжусь, чтобы один из них вам доставили в башню.

– Я уже понял, что профессор Романек и доктор Платнер – ярые технократы, но действительно ли эти магнитофоны так хороши, как о них говорят?

– Если честно, звук не фантастический, но для работы они удобны. Профессор Романек пользуется магнитофоном во время своих сеансов, и я могу разобрать почти все, когда переношу записи на бумагу. Но есть одно условие: микрофон должен быть установлен между вами и вашим пациентом, и вам придется находиться на довольно близком расстоянии, а это некомфортно.

– Ну, это не проблема, – решительно ответил Виктор. – Пациенты будут надежно привязаны к кушетке, да к тому же они будут под воздействием лекарств.

– Смотрите сами, – сказала Юдита, положив тонкую руку на один из коробов. – С моей точки зрения, они, конечно, лучше, чем виниловые, но, на мой взгляд, не так хороши, как магнитно-проводные. Если хотите, у нас найдется пара и тех и других.

– Нет, спасибо, – улыбнулся Виктор. – Не хочу, чтобы профессор думал, что я против прогресса. Жажду произвести хорошее впечатление.

– Вам импонирует профессор Романек? – улыбнулась в ответ Юдита.

– Он хороший человек и прекрасный врач. Он заботится о своих пациентах. Он видит, что зло, которое они сотворили, дело рук болезни, а не их истинной природы.

– Вы тоже в это верите?

– Да, думаю, что так оно и есть... Уверен в этом. Любой может стать психически больным, абсолютно так же, как любой может заболеть ангиной. От этого никто не застрахован, в той или иной степени, в то или иное время. Я считаю, что психиатрия когда-нибудь наконец признает этот факт. Когда-нибудь, но не

скоро. Профессор Романек рассказывал вам о моих взглядах?

– Нет. Кстати, я говорила с моим отцом, который передает вам теплые пожелания. Он сказал, что вы один из лучших его учеников и что вы искренне заботились о пациентах.

– Как я уже говорил, ваш отец оказал на меня такое же большое влияние, как и доктор Юнг. У меня остались самые приятные воспоминания о нем.

Повисла неловкая пауза. Виктор вдруг осознал, что все это время пристально и беспардонно рассматривал Юдиту: ее внимательные темные глаза, полные губы, безупречную кожу.

– Так вот... – пробормотал он, не зная, что сказать дальше.

– Я позову кого-нибудь, чтобы все перенести, – помогла ему Юдита, и они продолжили выбирать оборудование.

После того как все было собрано и рабочий отнес все коробки в башню, Виктор поблагодарил Юдиту за помощь, и она собралась уходить.

– Мисс Блохова... – окликнул ее Виктор, когда девушка уже подошла к двери. Юдита оглянулась.

– В деревне есть маленький ресторанчик, что-то вроде этого, – сказал он. – Не будет ли бестактным пригласить вас составить мне компанию и выпить по чашечке кофе? Вы бы рассказали мне все о мрачной истории замка. – Он вздрогнул от собственной неуклюжести.

Она стояла у двери, внимательно наблюдая за Виктором, и по ее лицу невозможно было понять, что у нее на уме. Казалось, это продолжалось вечность.

– Почему же, думаю, что могу составить вам компанию, – сказала наконец Юдита и улыбнулась. – У меня выходной в конце недели...

Виктор кивнул, и девушка удалилась. Стоило ей выйти за дверь, безупречно красивое лицо молодого доктора расплылось в широкой улыбке.

2

Виктор Косарек провел свой первый сеанс терапии через три дня. Он решил начать с пациента, которого все сотрудники считали самым покладистым и наименее агрессивным.

Леош Младек. Клоун.

Пока проходила настройка оборудования, Виктор потихоньку привык к комнате, отведенной для его сеансов, но, оказавшись там впервые, он ощутил нечто похожее на клаустрофобию.

Круглая комната с высокими потолками располагалась в верхней части центральной башни, почти на одном уровне с этажом отделения для пациентов. Попасть в нее можно было только по пандусу. Очевидно, в Средневековье это помещение предназначалось для хранения зерна и других продовольственных запасов: двухметровые толстые стены обеспечивали постоянную температуру зимой и летом. А пандус вместо лестниц был сооружен, чтобы облегчить транспортировку продуктов.

Не только толстые стены, но и тяжелая дубовая дверь, обшитая железными листами, обеспечивали практически полную звукоизоляцию. На установке тревожной кнопки настоял профессор Романек, так как Виктор был намерен проводить сеансы наедине с пациентами. Санитары должны были дежурить за дверью.

– Под воздействием транквилизаторов или нет, – сказал профессор, – это самые опасные психические больные в Центральной Европе. Мне нужно быть уверенным, что приняты все меры предосторожности.

В центре комнаты поставили стол и стул для Виктора и особую секционную кушетку. На трех регулируемых секциях и подлокотниках кушетки были ремни из мягкой кожи для надежной фиксации больного, прочные крепления были также предусмотрены для запястий и лодыжек. На этом тоже настоял Романек –

несмотря на то, что пациенты в течение всего сеанса будут находиться под воздействием сильнейших лекарств, они должны быть ограничены в движении, то есть привязаны к кушетке.

По просьбе Виктора установили две лампы. Одну на стол, другую – на пол, так, чтобы свет от нее падал на стену. Для сеансов нужны были искусственные сумерки – рассеянный свет лучше способствует расслаблению больных.

Леош Младек, Клоун, был невысоким стройным человеком с прозрачно-голубыми глазами. Его голова казалась слишком крупной для хрупкого тела. Из-за этой диспропорции он выглядел много моложе, чем был, и казался подростком, а не тридцатилетним мужчиной. Коротко остриженные волосы, настолько темные, что они казались крашеными, были тщательно напомажены и уложены на пробор, деливший голову на две части контрастной и четкой линией. Лицо его было очень бледным: кожа белая, словно загрунтованный холст, ожидающий краски. Виктору казалось, что еще чуть-чуть, и Леош Младек смог бы играть Пьеро без грима.

Пациент попытался приподняться на кушетке.

– Что происходит? Почему я здесь? – с наивностью в голосе затараторил он, широко распахнув большие, как у младенца, глаза с мелкими зрачками-бисеринками. – Что со мной будет?

– Вам не о чем беспокоиться, Леош. Мы просто поговорим, вот и все. – Виктор открыл ящичек из нержавеющей стали, в котором аккуратными рядами стояли пузырьки и ампулы с лекарствами. – Я сделаю вам укол, который поможет вспомнить все немного яснее. Обещаю, вы приятно проведете время и расслабитесь. Прошу, доверьтесь мне.

– Но я не нуждаюсь в лечении! – в голосе Младека послышалось отчаяние. – Я не сумасшедший. Я же всем это рассказал. Я ничего не делал. Это все Тейффель. Это был Тейффель, Арлекин, это он виноват во всем...

Виктор с легкостью нащупал под полупрозрачной кожей предплечья голубую вену. Игнорируя отчаянный протест Младека, ввел иглу и кивнул санитарам, чтобы те вышли из комнаты.

Очень скоро под воздействием транквилизатора пациент начнет погружаться в глубины подсознания, слой за слоем проваливаясь все дальше. Леоша Младека больше не волновали стягивающие его тело ремни, он наконец перестал тараторить, расслабился, зрачки расширились. Как Виктор и рассчитывал, пациент не отключился полностью. Просто все страхи и тревоги покинули его.

Косарек нажал на рычаг магнитофона, и стальные катушки завертелись.

– Вас зовут Леош Младек? – спросил он.

Младек заторможенно кивнул и невидящим взглядом уставился на Виктора.

– Пожалуйста, отвечайте на все мои вопросы вслух, ваши ответы будут записываться. Вы Леош Младек? – Виктор говорил тихо и спокойно. Он знал, что скополамин[19 - Алкалоид, содержащийся в некоторых видах растений семейства пасленовых, наркотическое средство, более известное как главный компонент «сыворотки правды».] вскоре разрушит волю Леоша, его способность управлять своими мыслями без наставлений.

– Да, я Леош Младек.

– Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Я клоун. Пьеро. Я заставляю людей смеяться и плакать.

– Вы и Арлекин тоже? – задал вопрос Виктор.

– Нет. Я никогда не играл Арлекина. Только Пьеро.

– Вы никогда не играли Арлекина? – продолжал спрашивать доктор.

– Я никогда не играл Арлекина.

Виктор сделал пометку в блокноте.

– Вы знаете, где вы находитесь?

– Я в сумасшедшем доме, – ответил Младек без горечи и гнева. – Меня держат здесь с сумасшедшими.

– Вы сумасшедший?

– Нет.

Виктор сделал паузу, затем заговорил:

– Леош, я хочу, чтобы вы представили бескрайний и бездонный океан. Я хочу, чтобы вы представили, что мы плывем по океану. Что вы видите?

– Океан.

– Воды много, океан глубокий, очень глубокий, но его поверхность спокойная. В этом океане все воспоминания, все события, случившиеся в вашей жизни. Леош – клоун, Леош – друг, Леош – возлюбленный, Леош – ребенок. Вы можете это представить? Вы видите это? Что вы видите?

– Бездонный океан.

– Здесь, в замке, на земле, вы знаете, кто вы такой. Но я хочу, чтобы вы оставили землю и погрузились в воду, глубоко в свои воспоминания. Океан – это вы, Леош. Я хочу, чтобы вы нашли начало, тот момент, когда все началось, когда ваша история началась. Вы можете найти начало?

Воцарилась тишина. Младек закрыл глаза.

– Я нашел.

– Это очень хорошо, Леош. Что произошло? С чего все началось?

– Все началось, когда он пришел.

– Кто и когда пришел?

– Дьявол. Это был день, когда пришел дьявол. День, когда Манфред Тойффель пришел в цирк.

З

– Когда люди думают о клоунах, они обычно представляют нелепые ботинки и забавные парики, – тихо говорил Леош Младек, лежа на кушетке в комнате с искусственным освещением. – Но это не совсем так. Пьеро – персонаж комедии дель арте, возникшей в те времена, когда цирковое мастерство действительно было народным зрелищем. Быть Пьеро – значит быть актером, а не шутком; иметь навыки импровизации, чувствовать аудиторию и управлять ее эмоциями. Это не просто работа – это призвание, великая традиция. Когда я на арене, я не просто играю Пьеро, я становлюсь им. Я и есть он.

– А почему вы стали именно Пьеро? – спросил Виктор.

– Ходили слухи, что я из цирковой семьи, что артистические данные у меня в крови. Это не так. Цирк – мое призвание, Пьеро – мое истинное «я», но родился я в благополучной провинциальной семье. Мой отец был сельским врачом в Доудлебско, на юге Чехии, и моя мать могла позволить себе заниматься чем угодно, проводить время так, как подобает жене сельского врача. Более заурядного и более буржуазного происхождения и представить невозможно. С пеленок мне была предначертана блестящая карьера в медицине. А какой родитель не грезит об успехе своего дитяти, хотя видит в нем лишь посредственность?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Рондель – круглый или полукруглый крепостной бастион. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Sudetendeutsche Partei (1933–1938) – партия немецкого меньшинства в Чехословакии.

3

Немес (чешск.).

4

Sensenmann (нем.) – человек с косой, жнец.

5

Sensemänn (нем.) – человек, который делает косы.

6

В здоровом теле здоровый дух (лат.).

7

Бакелит – особый вид пластмассы, не подверженный воздействию высоких температур.

8

Томаш Масарик (1850–1937) – чешский общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935).

9

Альфонс Мария Муха (1860–1939) – чешский живописец, тяготевший к стилю «ар нуво»; возглавлял Ассоциацию Славянских художников в Мюнхене.

10

Исторические районы Праги.

11

Skorcasi (словак.) – немцы, немчура.

12

Perchtenmasken (нем.) – имеются в виду ряженые из Тироля. В средневековой Германии ватаги молодых людей с зачерненными лицами или в безобразных рогатых масках ходили по улицам в канун Самайна – праздника окончания урожая, изображая духов из свиты Перхты-Хольды, мчащейся по воздуху во время Дикой охоты.

13

Krampus (нем., чешск.) – легендарная фигура в фольклоре Альпийского региона, спутник и одновременно антипод Николая Чудотворца; также название обходного обряда в ночь с 5 на 6 декабря.

14

Fotze (нем.) – на жаргоне – сука, женский половой орган.

15

Один психоз на двоих (фр.).

16

Группа бредовых синдромов, для которых характерна убежденность больного в том, что он подвергается воздействию извне. Чаще всего это бред преследования.

17

Семейный психоз (фр.)

18

Массовый психоз (фр.).

19

Алкалоид, содержащийся в некоторых видах растений семейства пасленовых, наркотическое средство, более известное как главный компонент «сыворотки правды».

Купить: https://tn.knigapoisk.com/rassell_kreyg/aspekt-d-yavola

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)